

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение. Начало в ИГ1–2/2016)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) —

крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геоэкология: инженерная геология, гидрогеология, геоэкология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

ЧАСТЬ II За строкой фронтового письма

Вернувшись в ноябре 1943 года после тяжелого ранения с фронта в Москву, я обнаружил в ящике стола две папки своих фронтовых писем. Родители и жена бережно сохранили более двухсот моих посланий. Поскольку все пережитое на войне было еще свежо в памяти, я не стал их перечитывать, а аккуратно завернул папки в газеты и на какое-то время забыл об их существовании.

Врачи вернули меня к любимой специальности — геологии, дали возможность продолжить работу. Жизнь была интересной, насыщенной до предела. Особое удовлетворение получал, участвуя в экспедициях в Каракумы, Западную Сибирь, верховья Амура, Восточные Саяны, а затем обрабатывая привезенный материал. Словом, времени на то, чтобы заняться чем-нибудь еще, практически не оставалось.

И только в 1975 году, когда отмечалось тридцатилетие Победы и ветераны Великой Отечественной войны разыскивали однополчан, фронтовых друзей, вспоминали о былых сражениях, я достал и перечитал эти письма. Как и следовало ожидать, в них содержалось очень мало подробностей — только в пределах, допускавшихся военным временем. Поэтому постороннему человеку они почти ничего бы не сказали. А передо мной, как на экране, кадр за кадром оживали события

тридцатилетней давности — все то, что стояло за скупыми, торопливыми строками.

И мне захотелось написать о том, что вспомнилось, для семьи, детей и внуков, для друзей и товарищей. Но в ходе работы над рукописью все больше казалось, что мои воспоминания могут быть интересны и другим людям. И наконец, созрело решение — написать книгу об увиденном и пережитом на фронте, о боевых друзьях. Нелегко мне досталась эта книга, труднее, пожалуй, чем любая из 250 опубликованных работ по специальности, написанных мною лично или в соавторстве. И дело не только в различии тематики и жанра. Тяжеловато оказалось еще раз пройти крутыми дорогами войны. Я думаю, это чувство особенно хорошо поймут боевые друзья — фронтовики.

Е. Сергеев

Майор в отставке, академик АН СССР,
лауреат Ленинской и Государственной премий СССР

Глава 9 Война началась

Поезд Москва — Новороссийск отходил от Казанского вокзала Москвы 22 июня 1941 года около двух часов ночи. Пока я с матерью и шестилетней дочкой пробирався на посадку сквозь присущую вокзалам курортного направления толчею, промокли до нитки под внезапно обрушившимся непродолжительным, но обиль-

ным дождем. Такая «водная процедура» была для меня нежелательной после недавнего воспаления легких. Впрочем, болезнь уже привела к своеобразному осложнению: по настоянию врачей мне был досрочно предоставлен отпуск, и вот я со своими родными еду в Геленджик, где на живописном берегу черноморской бухты раскинулся санаторий родного Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Наконец, оказались в своем купе, разложили по местам вещи, сменили одежду на сухую и улеглись спать. Проснулся поздно, часов в одиннадцать. После завтрака вышел в коридор и закурил. На станции Грязи в вагон вошел милиционер. Задержался около меня, спросил, не угощу ли папиросой.

— Вообще-то я не курю, — смущенно пояснил он, неумело затягиваясь дымом. — Но ведь такое дело...

— А что случилось, если не секрет?

— А вы не знаете? Только что выступал по радио Молотов и объявил, что немецко-фашистские войска без объявления войны перешли на всем протяжении нашу западную границу, вражеские самолеты бомбят города. Это — война!

— Мама, — сказал я, войдя в купе. — Сейчас разговаривал с одним товарищем. Он сообщил о нападении Германии на нашу страну. Собирай вещи, в Воронеже сходим, возвращаемся в Москву.

Я совсем забыл о соседе по купе, а тот вышел в коридор и, поскольку милиционер уже куда-то ушел, начал расспрашивать пассажиров о том, что услышал от меня. Оказалось, что никто ни о чем не знает.

В вагоне заволновались, стали возмущаться. Послышались реплики: «Паникер», «Провокатор». Но тут поезд замедлил ход и замер у перрона воронежского вокзала. Я соскочил со ступеньки и торопливо зашагал по перрону.

Открыв дверь с табличкой «Военный комендант», попал в небольшую комнату, заполненную возбужденными, взволнованными людьми, главным образом военнослужащими. Оправдываясь тем, что оставил в вагоне ребенка, я протиснулся к письменному столу, за которым сидел хозяин кабинета. По разговорам, вопросам и ответам уже и сам понял: да, война! Все же решил уточнить некоторые детали.

— Товарищ военком! Пассажиры московского поезда не слушали утренних радиопередач...

— Понятно, — прервал меня собеседник. — Действительно, в заявлении Советского правительства сообщалось о внезапном нападении на нас фашистской Германии. Чем еще могу быть полезным?

Решив воспользоваться случаем, объяснил, что согласно мобилизационному листку мне необходимо явиться на сборный пункт к десяти часам в первый день мобилизации, и попросил помочь приобрести обратные билеты. Военком ознакомился с моими документами, немного подумал и выдал талончик в кассу. Когда я прибежал к своему вагону, пассажиры встретили меня уже иначе: успели получить свежую информацию. Некоторые из них, наскоро собравшись, также прервали свой путь в Воронеж. А через несколько часов поезд Новороссийск — Москва вез нас обратно в столицу.

23 июня в 11 часов утра я уже был дома, на Большой Ордынке. Быстро собрал в чемоданчик самое необходимое, попрощался с родными и почти бегом отправился по указанному в моблистке адресу. Вот и гудящее, как

улей, здание школы. Ученики разъехались на каникулы, а коридоры, классы заполнены взрослыми. Предъявляю документы. Волнуюсь, что опоздал, жду по меньшей мере строгого внушения, а вместо этого слышу: «Идите на работу и ждите вызова в райвоенкомат».

В парткоме МГУ меня встретили словами: «Как хорошо, что вернулся! Вчера в университете стихийно собрались чуть ли не все студенты. И тогда мы провели в Коммунистической аудитории открытое комсомольское собрание, участники которого единодушно объявили себя мобилизованными для выполнения любых заданий Родины на фронте и в тылу».

Тут же выяснилось, что набившиеся в помещение парткома студенты — это те комсомольцы, которые рвались первыми получить боевую задачу. С трудом уговорил их оставить здесь человек пять-шесть, на случай если срочно понадобятся посыльные, а остальным предложил вернуться на свои факультеты.

Молодежь с видимой неохотой, но все же постепенно разошлась. Невольно подумалось, что хорошие они ребята, только вряд ли успеют до фронта добраться. Разве не ясно, что Красная Армия, отразив первый натиск противника, отбросит его и разгромит.

Телефонный звонок. В трубке — знакомый голос секретаря райкома:

— Сергеев? Знаю, что вернулся, но почему сам не доложил об этом? Не успел, говоришь? Ладно, перестраивайся на военный лад, да побыстрее. А пока хочу подсказать: считай партком фронтовым штабом, а каждое задание партии — боевым.

Едва закончился разговор с Ухолиным, открылась дверь и вошли два командира со шпалами в петлицах. Представились работниками Генерального штаба, предъявили удостоверения. В ответ назвал себя, предложил сесть. С чем-то они пришли? Тот из них, который был заметно старше по возрасту, а наверное и по должности, спросил, сможем ли мы к середине завтрашнего дня подобрать пятьдесят добровольцев из числа коммунистов и комсомольского актива, ребят, морально устойчивых, физически крепких, способных решительно действовать в тылу противника. Я сразу же ответил: «Сможем!»

Военные попросили отнестись к этому делу с величайшей серьезностью и откровенно разъяснять каждому, что для успешного решения предстоящих задач одного энтузиазма мало. Необходимо отчетливо представлять все трудности и опасности, связанные с боевой работой в тылу противника. Вот почему их решения должны быть всесторонне обдуманными и, конечно, бесповоротными.

Командиры назначили сбор добровольцев на 12 часов 24 июня и ушли. Я, посоветовавшись с членами парткома, стал приглашать к себе кандидатов. Некоторые приходили по своей инициативе. Вот заходит совсем молодой паренек — учился, наверное, на первом, от силы на втором курсе. Глаза блестят, видно, что сильно волнуется. Представляется и говорит:

— Я родился и детство провел в Берлине, немецким языком владею в совершенстве. Доложите кому надо, чтобы меня направили туда, где можно использовать мои знания. Готов выполнить любое задание командования, если даже это будет стоить мне жизни.

Ну что тут скажешь: парень словно присутствовал при разговоре с работниками Генштаба. Как такому от-

казать? Внес фамилию студента в список, предложил явиться завтра к полудню. Он поблагодарил за доверие и радостно-возбужденный выскочил за дверь.

В партком группах и поодиночке начали заходить приглашенные студенты. Какие это были замечательные ребята! Беседовал я с каждым в отдельности, каждому говорил все то, о чем просили представители Генштаба. И почти все, кто с ходу, кто поразмыслив, отвечали, что готовы бить врага там, куда пошлет их Родина.

Пришел студент пятого курса географического факультета Владимир Фомин. Прекрасный спортсмен — лыжник, был добровольцем в комсомольском лыжном батальоне во время войны с Финляндией. Мы с ним учились вместе еще на первом курсе в 1935 году, но он и сейчас понял меня буквально с полуслова, на правах товарища-однокурсника перебил:

— Не трать зря время — вон в коридоре еще сколько нашего брата. Говори прямо, когда и куда явиться?

Не хотелось бы, чтобы те ребята из сорок первого выглядели в глазах современного читателя эдакими бодрячками, представлявшими себе войну безобидной прогулкой, хотя, конечно, с высоты сегодняшних знаний о прошедшем некоторые представления того времени могут показаться несколько наивными. Да, когда началась война, большинство советских людей, и особенно молодых, не думали, что она будет для нас такой тяжелой. Многие верили, что в ближайшие же дни наступит перелом в ходе боев и Красная Армия разгромит немецко-фашистские полчища, выбросит их за пределы советской земли.

И конечно, молодежь рвалась скорее на фронт, спешила принять участие в боях, в событиях исторического значения, хотела на деле доказать преданность своей социалистической Родине. Ведь мы были воспитаны на подвигах героев гражданской войны, ее участники жили среди нас, были свидетелями и творцами разгрома бело-гвардейцев и иностранных интервентов.

На наших глазах проходили конфликт на КВЖД, бои у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, война с белофиннами... Мы знали о войне не понаслышке, не из пятых рук и не строили иллюзий насчет того, что все с нее благополучно вернутся домой, продолжат прерванную работу или учебу. Но мы рвались на фронт, чтобы выполнить свой гражданский, партийный или комсомольский долг — защитить Родину.

Этим благородным устремлением объяснялось и то, почему большинство ребят, не колеблясь, соглашались идти в тыл врага для выполнения опасных заданий командования.

Правда, не все приглашенные на беседу оказались готовыми, а точнее, способными к работе в тылу противника. Некоторые, подумав, отвечали, что больше пользы принесли бы на фронте, в действующей армии, куда их можно направлять хоть сейчас. Эти ребята были вполне искренни: годами они готовились к встрече с врагом лицом к лицу, плечом к плечу с товарищами по оружию. А вот работать во вражеском тылу может далеко не каждый.

Когда отбор добровольцев окончился, я почувствовал большое удовлетворение — первое задание в интересах фронта было выполнено. А маховик войны неутомимо раскручивался с нарастающей скоростью, настойчиво требуя быстрой перестройки на военный лад и образа мышления, и практических действий. Одно на другое громоздились новые задания, к выполнению

которых раньше просто не был готов. На первый план вышло властное, безапелляционное понятие — «надо!».

Хорошо запомнилось 25 июня. Утро началось со звонка из райкома партии. Последовало указание срочно направить в райком всех военнообязанных коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б) — от красноармейцев до младших лейтенантов запаса включительно.

Говорю:

— Хорошо, но я тоже младший лейтенант запаса. Разрешите прибыть вместе со всеми?

Ответ разочаровал: мне предложили оставаться на месте.

Понимал я, что одно дело подбирать добровольцев, спрашивая их согласие, другое — направлять своих товарищей коммунистов, таких же младших лейтенантов, как и я сам. В этом случае уже ничего не надо было с ними согласовывать. Приказ приказом, а ведь дело-то имеешь с людьми, со своими товарищами. О чем думали они, получая от меня указание о мобилизации? Не о том ли, что сам-то ты, дескать, сидишь за письменным столом, а меня посылаешь... Сидела в голове у меня эта мысль и не давала спокойно жить и работать. Вот в кабинет зашел младший лейтенант запаса Григорий (для меня — Гриша) Гринштейн, с которым я учился в одной группе. Я знал, что он женат, у него две дочки, и все же вынужден был сказать:

— Иди, Гриша, в райком. Если направят на фронт, пиши, не забывай «альма матер».

Простился он со мной довольно холодно. Однако, как оказалось, ненадолго. Когда он, побывав в райкоме, снова вошел в мой кабинет, я уже знал из телефонограммы, что младших лейтенантов больше посылать не нужно, но продолжать направлять красноармейцев. На душе стало легче: Гринштейн пока остался со своими дочурками.

Наконец-то и мне пришла долгожданная повестка из Москворецкого райвоенкомата с вызовом на 29 июня. Беседуя там с одним из его работников, понял, что он заранее хорошо изучил мои документы. На вопрос капитана, не мешает ли мне что-либо оставить университет, я ответил, что таких причин нет. О своей брони как секретаря парткома МГУ — ни слова.

Несмотря на то что у дверей кабинета собралось, ожидая приема, немало людей, разговаривали мы неторопливо, обстоятельно. Капитан поинтересовался, как работаете в новых условиях, нет ли у парткома в данный момент каких-либо особо важных и экстренных заданий. Услышав, что все в порядке, самые ответственные задания партком уже выполнил, он удовлетворенно кивнул головой. Капитан коротко сообщил о том, что ЦК ВКП(б) принял постановление о мобилизации коммунистов и комсомольцев и направлении их в армию для усиления партийно-политической работы в войсках.

— Нам известно, — заключил он, — что вы желаете вступить в Красную Армию. И так как не вижу к этому каких-либо препятствий, то считайте, что пришли в нее по партийному набору.

С этими словами он вручил предписание, которым мне предлагалось отбыть в распоряжение командования Киевского особого военного округа. Вместе с предписанием я получил и билет на поезд Москва — Киев, отправлявшийся 30 июня вечером. Времени на оформление всех дел и сборы оставалось в обрез, и я прямо из военкомата направился в Краснопресненский РК

ВКП(б). Снялся с партийного учета. В здании толпа народа. Снимают с партучета не только секретари, но и зав. отделами. К одному из них я и зашел. Он, правда, удивился, что я не забронирован, но с учета снял.

В университете сдал партийные дела своему заместителю Ивану Павловичу Андрееву. Забегая вперед, скажу, что И.П. Андреев был тоже потом призван в ряды Красной Армии, прошел всю войну. Удостоен боевых наград. А после победы, вплоть до выхода на пенсию, преподавал историю в высших учебных заведениях города Львова. Сейчас его нет среди нас.

После парткома зашел проститься к ректору университета Александру Сергеевичу Бутягину. Он все еще был сердит на меня за резкий доклад на бюро горкома и настроен скептически по поводу моего отъезда. Говорит: «Зря все это задумано. Какой из вас вояка. Транспорт только будете загружать, ездить туда и обратно». Но простились хорошо.

Чуть ли не в полночь добрался до дома. Еще по дороге продумал, как надо себя вести. Встретив вопросительные взгляды родных, сразу же бодро объявил, что все в порядке — меня призвали в армию. Тут же добавил, что еду в Киев, находящийся в глубоком тылу, так что ничего опасного не предвидится. Даже хорошо снова побывать в этом прекрасном городе, воспоминания о котором храню с детства, посмотреть, как он выглядит сейчас.

Не знаю, этот ли ход помог или характер у моих женщин оказался сильным, но и мама, и жена проявили, во всяком случае внешне, большую выдержку. Подтвердилась и моя уверенность в том, что отец полностью меня поймет и поддержит. Всплакнула только няня, Ирина Ивановна, да и та втихомолку, прикладывая носовой платочек к покрасневшим от слез глазам. Жена пыталась поехать провожать меня на вокзал, но я категорически запротестовал. Пусть в памяти и их, и моей останется не горечь расставания в многоголосой вокзальной толчее, а тепло и уют родного дома. Прощаясь, пообещал, что при каждой возможности буду писать. Посидели молча, на дорожку, расцеловались. И за мной мягко закрылась дверь, за которой словно бы остались детство, юность, счастливая мирная жизнь, где все было понятно и прочно.

Здесь мне кажется уместным сказать несколько слов о членах семьи, с которыми весь свой фронтной отрезок жизни я был связан и мыслями, и письмами, без которых не появились бы на свет эти воспоминания.

Моя мать, Елена Николаевна, москвичка, родилась в многодетной семье служащего. Окончив гимназию, большую часть своей трудовой жизни проработала статистиком.

Я был у нее единственным сыном, конечно же любимым, но она была требовательной, особенно когда дело касалось учебы. Поощряла мою самостоятельность. Когда в 18 лет, в 1932 году, окончив топографический техникум, я заявил, что хочу поехать работать на Дальний Восток, никаких возражений не последовало.

Отец, Михаил Епифанович, после окончания Коммерческого института (ныне институт имени Г.В. Плеханова в Москве) работал инженером на химических заводах, затем в научно-исследовательском институте. Без защиты диссертации, по опубликованным работам, ему присвоили ученую степень кандидата химических наук, а в годы Великой Отечественной войны отец защитил докторскую диссертацию, стал профессором, за-

ведующим кафедрой. Только в восемьдесят один год он перешел на должность профессора-консультанта.

С Александрой Михайловной Федоровой, ставшей впоследствии моей женой, мы вместе учились в Московском топографическом техникуме, были в одной учебной бригаде, ездили на учебную и производственную практику. Нас сближали не только совместная учеба и работа, но и совпадение увлечений. Вместе мы уехали и на Дальний Восток.

После окончания университета я стал геологом, а Шура — геодезистом. Вскоре после начала войны жену направили в экспедицию в поселок Кувандык Чкаловской (ныне Оренбургская) области. С нею была и дочь...

К этому краткому отступлению хотелось бы добавить, что чувство неразрывной связи со своей семьей, любовь к родным, признательность за все, что они отдали ради детей, помогали воинам бить врага, вдохновляли на подвиги, согревали сердца мыслью о том, что их возвращения с победой ждут дорогие и близкие люди. Защищая Родину, каждый советский воин защищал также свой дом и очаг.

Снова вокзал, но теперь уже Киевский. Направление то же, что и неделю назад, но обстановка совсем другая. Среди пассажиров очень мало женщин и совсем нет детей — они только провожают. Вокруг объятия, поцелуи, слезы. В темноте на перроне Киевского вокзала довольно быстро нашел поезд, вагон. Занял место для себя и на всякий случай еще одно. До отхода поезда оставалось несколько минут. Вагон набит до отказа. А я все надеюсь, что вдруг кто-нибудь из знакомых появится, и твердо отвечаю: «Занято». И оказалось, не зря. Лязгнули буфера, и вдруг в проходе, с тяжелым чемоданом, потный, запыхавшийся, возник (не найду другого слова) Гринштейн, мой сокурсник по кафедре. «Гриша, — позвал я, — иди сюда. Сколько же тебе место можно держать?» Честное слово, он прямо остолбенел от неожиданности. Отдышался и предложил выйти покурить в тамбур. И вдруг признание: «Извини, виноват перед тобой. Когда ты меня послал в РК сниматься с учета, подумал: хорошо устроился за бронью».

— Нет, Гриша, мне самому повоевать хочется. И об этом больше ни слова.

Потом мы разговорились. Оба были рады, что вместе едем в Киев, где будет решаться наша судьба.

Утром со станции Михайловская отправил домой открытку — первое и самое короткое свое послание с дороги длиной в два года: «Еду хорошо». В чем-то это было правдой. Но, как говорят, еще не всей правдой. Я просто не стал добавлять, что уже почувствовал дыхание войны. Особенно в Бахмаче.

Поезд подошел к этой узловой станции днем. Нещадно пекло полуденное, уже июльское, солнце. Перрон и здание вокзала были забиты людьми, главным образом женщинами. Многие из них держали на руках спящих малышей, да и сами дремали, обессиленные трудной дорогой. Картина сама по себе безотрадная. Однако больше всего меня не просто удивило, но поразило прямо в сердце то, что по лицам и взрослых, и детей безнаказанно ползало множество мух и ни у кого не было сил их отогнать. Казалось бы, мелочь, но в апатии этих людей отчетливо выделась предельная усталость. Увидев все это, я, кажется, впервые по-настоящему понял, какие страдания несет народу война.

В Киев прибыли глубокой ночью. Теплой, безветренной, звездной. Невольно вспомнилось: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...». Все так. И совсем по-другому. Город затемнен, поэтому трудно судить, каков он сейчас, военный Киев, на который уже с рассветом 22 июня вражеская воздушная армада обрушила бомбовый груз. Большой группой идем по указанному в предписаниях адресу. Часто нас окликают гражданские патрули — в большинстве своем пожилые люди с красными повязками на рукавах. Где отшучиваемся, где предъявляем документы.

Когда добрались до места назначения, то ко всеобщему удовлетворению дежурный командир, ознакомившись с предписаниями, тут же направил всю группу на ночевку в общежитие, оборудованное в классах школы. Спалось в ту ночь на редкость крепко.

Утром без проволочек получили обмундирование, оружие, патроны. Выдали нам кавалерийские карабины образца 1938 года: они короче и легче винтовок, удобнее для носки. Мы считали, что нам повезло. Отсутствие же штыка не смущало: казалось, что штыковой бой безвозвратно ушел в прошлое, а врага на близком расстоянии нетрудно просто застрелить. Мало кто верил, что придется врага колоть штыком.

3 июля получил я назначение в населенный пункт с ничего мне не говорящим названием Белокоровичи. С трудом удалось выяснить, что он имеет отношение к укрепрайону, оборудованному вдоль старой государственной границы. Сформировали команду, назначили в ней старшего.

3 июля мы собрались уже было идти на вокзал, когда по радио началось выступление И.В. Сталина. Вокруг похожего на граммофонную трубу репродуктора, укрепленного на столбе во дворе военного городка, быстро собрались все, кто был поблизости.

Сквозь шорохи эфира из Москвы донесся знакомый голос. Та же неторопливая, взвешенная речь, но интонация совсем другая. В ней улавливались глубокая тревога и одновременно непривычная мягкость, пожалуй, даже душевность: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!...»

От такого необычного вступления невольно защемило в душе. Слышно было, как во время выступления Сталин пил воду, наливая ее из графина в стакан. Значит, волнуется. И это еще больше дало почувствовать, в какой опасности находится наша Родина. И одновременно мысль: а не преувеличиваем ли мы значение Сталина, его несокрушимую волю? Я ее тут же отогнал прочь. Затаив дыхание, слушали мы суровую правду о неблагоприятном для Красной Армии развитии боевых действий, о причинах сложившегося положения и мерах, необходимых для достижения перелома в нашу пользу. С каждой минутой голос Сталина крепчал, формулировки становились жесткими. И заключительный призыв «Вперед, за нашу победу!» прозвучал вечевым колоколом, поднимающим советских людей на всенародную Отечественную войну.

С минуту все стояли молча, буквально потрясенные услышанным. К действительности нас вернул вой сирен, извещавших о воздушной тревоге, а вслед за этим, почти без паузы, грохот рвавшихся неподалеку авиабомб. Фашистские летчики действовали нагло и само-

уверенно, нанося удар по Киеву среди бела дня. Не успели мы отреагировать на запоздалую команду «Воздух!», как услышали нарастающий гул мотора, и над нами, чуть ли не касаясь крыш домов, пролетел самолет с черными крестами на крыльях и паучьей свастикой на руле поворота. Хорошо была видна голова летчика в шлеме. У всех были патроны и... ни одного выстрела. Полная растерянность.

Воздушный налет окончился. Пора было отправляться к месту назначения. Прибыли мы на вокзал. Такого наплыва людей я, пожалуй, раньше не видел: даже привокзальная площадь оказалась до предела запруженной народом, а на перроне и подавно яблоку негде было упасть. Удалось выяснить, что поезда на запад не идут и когда пойдут, неизвестно. Вопрос «Почему?» показался наивным: «Не понимаете, что ли, что пути разбомбили?»

Что же делать? Кто-то из военной комендатуры посоветовал: «Идите в Ботанический сад, там сейчас много таких, как вы». Старший группы решил последовать этому совету, оказавшемуся вполне обоснованным. Действительно, там собралось немало командиров, призванных, как и мы, из запаса, о чем можно было судить по новенькому, кое-как подогнанному обмундированию и пока еще гражданской выправке.

Двое суток мы протомились в неизвестности. Порой казалось, что о нас попросту забыли. Но вот появились представители штаба округа, переписали нас, построили в колонну и, видимо для закалки, пешим порядком отправили под Бровары, хотя в этот город из Киева ходили не только поезда, но и полупустые в ту пору трамваи.

Под Броварами в сосновом лесу находился опустевший лагерь курсов усовершенствования командного состава Киевского военного округа; слушатели по тревоге в первый день войны ушли на фронт. Разместились в палатках в сосновом бору, гадая, надолго ли осядем в этом благодатном уголке. Через несколько дней объявили, что все мы зачислены в резерв только что образованного главного командования Юго-Западного направления. Именно сюда будут прибывать представители армий за пополнением командными кадрами. Наши прежние назначения были аннулированы.

Глава 10 **В резерве направления**

В резерве все началось с заполнения довольно подробных анкет, в которых помимо всего прочего требовалось указать последнее место работы и выполнявшиеся партийные поручения. Думается, что именно ответы на эти вопросы да еще выступление на первом здесь партийном собрании сыграли определенную роль в моей дальнейшей судьбе. Что касается анкеты, то все понятно: руководство выяснило, что я был секретарем парткома университета. А вот на партсобрании я, все еще находясь под сильным впечатлением от выступления И.В. Сталина, увлекся, говорил взволнованно, от души и даже с разрешения коммунистов превысил регламент. Кончилось тем, что меня избрали секретарем партбюро батальона, а вслед за этим назначили командиром взвода, в состав которого входили не только такие, как я, призванные из запаса, младшие лейтенанты, но и лейтенанты.

В те дни я писал родителям: «Доехал до места назначения. Правда, ознакомиться как следует с городом

не успел — пока не до экскурсий. Не добрался еще и до фронта. Сейчас учусь воевать и, представьте себе, учу этому других, ибо получил командную должность. Дело очень ответственное — ведь от боевой выучки на фронте зависит все, в том числе и жизнь. Поэтому приходится трудиться, как говорят, до седьмого пота».

Нелегко было ежедневно проводить с подчиненными многочасовые занятия еще и потому, что сам я разбирался в военном деле не намного больше, чем они. Хорошо, что у меня в активе была трехмесячная служба командиром стрелкового взвода в 1-й мотострелковой Московской дивизии, куда меня направляли по призыву в 1939 году во время освободительного похода Красной Армии в Западную Украину. Очень мне та практика сейчас пригодилась.

Линия фронта, еще при выезде из Москвы казавшаяся такой далекой, стремительно двигалась на восток. Вот уже и Киев перестал быть тыловым городом. 11 июля вражеские моторизованные войска прорвались на подступы к нему и были задержаны только на рубежах реки Ирпень, в 15–20 километрах от столицы Украины. Естественно, в этих условиях боевая учеба резервистов проходила с предельным напряжением. День за днем на занятиях в поле мы отрабатывали действия взвода в обороне, наступлении, атаке, разведке, совершенствовали навыки владения оружием, тренировались в ориентировании на местности. Каждый понимал, что приобретенные на занятиях знания могут понадобиться уже в ближайшее время.

Учеба учебой, но кроме нее на мне лежала еще одна ответственная обязанность — руководить большим партийным коллективом батальона. И хотя располагались мы в одном месте, приходилось находить небольшие «засторы» в плотном графике боевой учебы, чтобы провести заседание партбюро или партийное собрание. Главным при этом я считал хорошую подготовку к каждому мероприятию, обсуждение самых острых и актуальных вопросов, связанных с боевой и политической подготовкой командиров резерва, путями повышения действенности учебы. Особое внимание уделялось обеспечению примерности коммунистов в овладении военным делом. Должен сказать, что коммунисты с большой ответственностью относились к учебе, образцово выполняли свои обязанности. Так что не припомню случая, чтобы с кого-нибудь из них пришлось спрашивать за нерадивость.

Тщательно продуманные и подготовленные с помощью членов партбюро и партийных активистов партийные собрания проходили по-деловому, коммунисты вносили немало ценных предложений. Именно они подняли вопрос об изучении трофейного оружия, чтобы знать его возможности, а в случае необходимости и применить в бою.

В тот период мне как-то удалось на короткое время вырваться в Киев в надежде связаться по телефону с Москвой. Город трудно было узнать: повсюду возводились заграждения из мешков с песком, устанавливались противотанковые ежи, подвальные окна домов превращались в амбразуры и бойницы. По безлюдным улицам маршировали пестрые колонны пожилых и совсем юных народных ополченцев. Общее у них было одно — суровые лица, выражавшие твердую решимость отстоять родной город от ненавистного врага.

Между тем пробил час, когда резерв начал таять. Один за другим убывали командиры на разные участки нашего Юго-Западного направления. В конце июля вызвали в штаб резерва и вручили направление в одну из частей действующей армии Григорию Гринштейну. Так получилось, что проститься нам, пожать друг другу руки пришлось буквально на ходу.

— Ты куда?

— В Одессу.

— Желаю тебе, Ахилл, удачи в боях.

Нет, это не метафора, не комплимент, каким, несомненно, стало бы сравнение кого-либо из современников с прославленным в древнегреческой мифологии храбрейшим из осаждавших Трои греческих воинов. Дело в том, что Гринштейна действительно звали Ахилл, но это данное родителями редкое имя ему не нравилось, он всем представлялся как Григорий. Мое пожелание, высказанное Гринштейну в минуту разлуки, увы, не сбылось, в боях за Одессу он погиб. На мраморной доске, установленной на пятом этаже главного корпуса МГУ, на геологическом факультете, вместе с именами других студентов, отдавших жизнь за Родину, значится и «А. Гринштейн».

Теперь, когда враг подошел вплотную к Киеву, участились ночные и дневные бомбардировки города и его окрестностей. В один из солнечных августовских дней я проводил со взводом занятия по тактике. Услышали гул самолетов и увидели проходившую неподалеку на средней высоте колонну немецких пикирующих бомбардировщиков. Сирена завывала, когда неожиданно колонна развернулась и «лапотники» вслед за ведущим, один за другим переворачиваясь через крыло, ринулись в пике на наш лагерь. Я был дежурным по батальону. Приказав подчиненным укрыться в щелях, я, увидев, что к нам неторопливо шел командир резерва полковник Е.Ф. Макачук, остался на поверхности. Полковник подошел, поздоровался и стал рассматривать в бинокль и без того растущие на глазах «юнkersы».

Неподалеку от нас, за шоссе, располагалась батарея зенитных орудий. Зенитчики встретили самолеты запоздалым и, увы, неточным огнем. Подавив батарею, «лапотники», не встречая противодействия, с душераздирающим воем сирен устремились на лагерь. Полковник Макачук, а вслед за ним и я прыгнули в щель. И вовремя — вздрогнула земля, бомбы разорвались совсем близко. И тут мне на шею мягко шлепнулось что-то маленькое, почти невесомое. Стекла и упали на рукав гимнастерки несколько капель крови. Взяв рукой это «что-то», я увидел на ладони еще теплого, но уже мертвого окровавленного чижика. Невольно вспомнилось детство и чижики в клетках. Эти маленькие, такие симпатичные птички быстро начинали петь в неволе, летали свободно по всей комнате, доверчиво садились на плечо — в общем, доставляли много радости. И вот — мертвый, окровавленный чижик. Война не пощадила и его...

Сколько погибло людей, мы узнали после окончания бомбежки — восемь человек. При таком массированном налете потери могли быть и больше. Прямых попаданий в щели не было, и никто из находившихся в них не пострадал. Так война сразу же научила нас ценить щели. И сколько же они спасли человеческих жизней!

В письме, отправленном 1 сентября 1941 года, я писал жене: «За эти два месяца здорово окреп. Прохожу в

день свободно 50 км... За последние дни пришлось увидеть много украинских сел. Хорошее впечатление: большие, чистенькие, утопающие в садах. Население к армии относится замечательно, часто приходится долго уговаривать местных жителей, чтобы взяли деньги за продукты, которые они пытаются отдать даром. Больно думать, что война может в любую минуту в той или иной форме докатиться до этих тихих уголков».

К несчастью, вскоре докатилась и сюда. А содержание этого письма связано с тем, что наша резервная группа тронулась наконец с места. В последних числах августа мы построились в колонну и направились к новому месту базирования. Переход, даже после полуторамесячных основательных тренировок, оказался утомительным. Вещи везли на подводах, а мы шли в строю с карабинами, с шинелями в скатках и с противогазами. Но все же через трое суток, оставив за спиной полторы сотни километров пути, командиры резерва дошли до места назначения и обосновались опять же в лесу, неподалеку от города и железнодорожного узла Прилуки.

Сюда же стали прибывать командиры, уже принимавшие участие в боях. Среди них были и отставшие от своих частей. Признаться, не сразу удалось понять, как может отстать от своего подразделения командир. И только слушая взволнованные рассказы о тяжелейших условиях, в которых пришлось сражаться против превосходящих вражеских сил, о стремительных маневрах танковых и механизированных частей противника, перерезавших коммуникации, нарушавших связь и управление войсками, о том, как группами и поодиночке пробивались наши воины из окружения, мы, еще не испытавшие всего этого, яснее представляли, какой страшной силы удар обрушила гитлеровская Германия на нашу Родину, сколько еще потребуется сверхчеловеческих усилий, чтобы остановить, разгромить, уничтожить немецко-фашистских захватчиков.

В группе фронтовиков, пополнивших мой взвод, был старший лейтенант Олейник, к которому, как я заметил, все прибывшие с ним относились с особым уважением. «Храбрый командир», «настоящий герой» — так отзывались о нем товарищи. Кто-то показал мне и армейскую газету, в которой рассказывалось о командирской зрелости и личной отваге в бою Олейника. Еще подумалось тогда, что ему бы и командовать взводом, передавать молодым, необстрелянным командирам свой фронтовой опыт. И надо же, спустя несколько дней Олейник на самом деле стал командиром бывшего моего взвода. А произошло это так.

Для ознакомления с личным составом резерва и его переаттестации приехала к нам комиссия. Начали по одному вызывать на собеседование. Дошла очередь до меня. К столу, за которым сидели четыре старших командира, я подошел строевым шагом, отдал честь, представился. Заметил, что перед полковым комиссаром — председателем комиссии лежала заполненная мною еще под Броварами подробная анкета, но биографию пришлось рассказать сначала. Потом пошли вопросы, касавшиеся пребывания в резерве, здоровья, настроения... Спросили, есть ли какие-нибудь пожелания. Ответил, что только одно — прошу отправить в действующую армию.

— Подумаем, — сказал полковой комиссар и, опросив других членов комиссии, объявил: — Вы имеете университетское образование, опыт партийной работы,

командовали взводом в Московской дивизии (три месяца в 1939 году). Аттестуем Вас адъютантом старшим стрелкового батальона. Думаем, что справитесь. Можете идти.

— Есть, адъютантом старшим стрелкового батальона, — ответил я и, когда возвращался в расположение взвода, все ломал голову: а что же это такое? Улучив удобный момент, справился об этом у Олейника.

— Да то же самое, что начальник штаба батальона, — ответил он. — А Вам предложили эту должность? Тогда поздравляю с повышением.

От привычного «штаб батальона» стало спокойнее.

— Думаю, что скоро Вас отправят на передовую, — продолжил разговор Олейник. — Объясню почему. Почти все аттестованы с повышением, да еще на конкретные должности. Надо полагать, что именно в этих категориях сейчас особенно нуждается фронт. А потери в командном составе, особенно в среднем, поверьте мне, достаточно велики — ведь в атаках командиры идут впереди своих подразделений. Так что комиссия сюда приехала не случайно.

Вскоре я узнал, что председатель комиссии остается у нас комиссаром резерва. Я решил к нему обратиться с просьбой об ускорении отправки меня на фронт. Попросился к нему на прием.

Выслушал меня комиссар внимательно. Вспомнил некоторых профессоров с истфака нашего университета, которые одновременно преподавали и в Военно-политической академии имени В.И. Ленина, в которой он учился. И когда услышал, что многих из них я знаю, проникся, очевидно, ко мне чувством симпатии: «Знаете что, сказал он мне, я Вас понимаю. Или надо ехать на фронт, или Вас надо отправлять в Военно-политическую академию». — «Нет, товарищ комиссар, я очень прошу удовлетворить мою просьбу». — «Хорошо, дам распоряжение отделу кадров, и с ближайшей партией поедете воевать. Желаю успеха».

Прошел день, другой. Приехали представители 38-й армии — набирать командный состав. Меня не вызывали. Пошел в отдел кадров. «В чем дело?» — «А им адъютанты старшие стрелковых батальонов не требуются». — «Пошлите на любую другую должность». — «Командиром стрелковой роты подойдет?» Ответил, что согласен. «Хорошо, собирайте вещи».

И вот сбылось! Вместе с другими командирами собираюсь в кузов грузовика. Приехали в городок со странным названием — Кобеляки. Для меня-то оно памятно: довелось побывать недалеко отсюда в 1928 году. Мне было четырнадцать лет, когда с родителями по совету знакомых ездил отдыхать в поселок Новые Санжары. До места от станции Кобеляки ехали подводой, и город со столь звучным именем остался тогда в стороне. Теперь, спустя более десятка лет, представилась возможность утолить то детское любопытство.

После долгого бивачного жития в палатках в лесу этот городок показался мне таким уютным, таким славным, будто лучше и сыскать нельзя. Были мы в нем долго, поэтому 9 сентября я написал родителям на клочке бумаги всего ничего: «Нахожусь в дороге. Здоров. Целую...».

В штабе 38-й армии нас распределили по соединениям. Несколько человек были направлены в 199-ю стрелковую дивизию. Среди них оказался и я.

Позднее я узнал, что 199-я стрелковая дивизия славилась как одно из боевых соединений Красной Армии, которое разбило 68-ю пехотную дивизию врага. Это именно о ее боевых действиях в сводке Совинформ-бюро от 12 августа 1941 года сообщалось, что в боях у железнодорожной станции Мироновка, на правом берегу Днепра, враг потерял 7500 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 15 танков, десятки орудий, минометов, пулеметов, сотни винтовок и автоматов. В 1974 году была издана Воениздатом книга «Киевский Краснознаменный», где бои у станции Мироновка охарактеризованы как «подвиг личного состава 199-й стрелковой дивизии комбрига Д.В. Аверина».

Но тогда, получив назначение в дивизию, всего этого я, конечно, не знал, а просто отправился в соединение, имевшее индекс «199 сд». В штабе дивизии произошло уточнение адреса — в 617-й стрелковый полк. Туда я пошел в сопровождении связного — пожилого, очень словоохотливого красноармейца в выгоревшей гимнастерке. И как это нередко бывает, когда человек много говорит, даже по делу, ничего не удается сохранить в памяти. Не исключено, что я тогда плохо его слушал, думая о своем или прислушиваясь ко все более явственно доносившейся артиллерийской канонаде.

— Пришли, товарищ младший лейтенант, — сказал связной, указывая на несколько домиков, — здесь штаб 617-го полка.

Глава 11 В действующей армии

Издали показалось, что домики стояли пустыми, вокруг них — ни души. Но когда мы подошли поближе, то увидели тщательно замаскированные автомашины, лошадей у конюшней, спящих в разных направлениях бойцов. Встретил нас молодой красивый лейтенант, стоявший непринужденно, заложив пальцы рук за тугую подпоясывавший гимнастерку ремень.

Связной, как видно здесь свой человек, обратился к нему не совсем по форме:

— Товарищ начштаба, вот младшего лейтенанта привел, направлен к нам в полк.

Слово «к нам» он произнес как-то особенно значительно, однако меня удивило другое: лейтенант — начальник штаба полка! Что-то о подобном и слышать не приходилось. Но надо было представляться:

— Товарищ лейтенант, младший лейтенант Сергеев прибыл в 617-й стрелковый полк для прохождения дальнейшей службы в должности командира стрелковой роты.

— Здравствуйте. Сироткин Петр Иванович.

Обменялись рукопожатиями. Не знал я в ту минуту, что пожимал руку человеку, который станет одним из моих ближайших друзей.

Из завязавшегося разговора выяснилось, что командиры рот в полку очень нужны, ибо некоторыми ротами командуют старшины. Однако только командир полка может решить, дать ли мне роту сейчас или придется подождать до прибытия пополнения. Выяснилось также, что командир полка капитан Гриднев находился на КП в селе Пригаровка и что лучше всего воспользоваться полторкой, которая повезет сейчас туда патроны.

Сироткин поинтересовался, есть ли у меня оружие. Узнав, что есть карабин, похвалил:

— Штука удобная в походе и в окопе. Но для ближнего боя командиру необходим револьвер или пистолет. Только где бы их достать?

Лейтенант на минуту задумался.

— Постойте, сейчас найдем выход, — сказал он, увидев проходившего мимо военврача с двумя шпалами в петлицах.

— Товарищ Вилиг, — твердо, несмотря на разницу в званиях, сказал лейтенант, — у меня просьба: снимите, пожалуйста, свой пистолет и передайте его младшему лейтенанту. Он идет командовать ротой.

— Товарищ начштаба, а как же я без оружия?

— Обещаю, что скоро вам что-нибудь подыщем. Берите, младший лейтенант, и бейте без промаха.

Принял я от врача отличный пистолет ТТ и не расставался с ним более двух лет. По предложению лейтенанта Сироткина оставил я в штабе полка чемодан, явно более пригодный для поездок на курорт, перебрал через плечо полевую сумку и уселся рядом с шофером в кабине полторки.

— Езжай быстро, — напутствовал Сироткин водителя. — Помни, что дорога, особенно на бугре, пристреляна фашистами. Попадешь под минометный или артиллерийский обстрел — не вздумай останавливаться или поворачивать назад — пропадешь. Меняй только скорость. Ясно?

Поехали. Вот и бугор, о котором шла речь. Машина то и дело подпрыгивала на ухабах, но водитель не снижал скорости. Еще несколько сот метров — и мы въехали в село. Остановились у дома, где находился командир полка. Вошел в дом и увидел моложавого, с симпатичным худощавым лицом человека, которого на гражданке никогда не принял бы за командира, занимающего такую высокую должность. Только добротная, хотя и выдавшая виды, коверкотовая гимнастерка да безупречная строевая выправка безошибочно выдавали в нем кадрового военного.

Капитан расспрашивал меня, тактично делая вид, что не замечал, как я невольно вздрагивал от близких разрывов мин: фашисты вели беспорядочный, непрекращающийся минометный огонь по селу.

— Это — беспокоящий огонь, — спокойно пояснил Гриднев, когда мина шлепнулась где-то рядом, словно речь шла о елочной хлопушке.

— Вот что, товарищ младший лейтенант, — сказал капитан после непродолжительной беседы. — Несколько дней вы будете при мне для отдельных поручений. Попривыкнете, тогда и получите роту.

Когда стемнело, приехал верхом на кауrom жеребце Сироткин. Минометный обстрел продолжался, но уже не производил на меня особого впечатления. Едва сели ужинать, вошел командир — танкист:

— Хочу проститься, товарищ капитан. Перебрасывают нас на другой участок фронта.

— Очень ты меня огорчил, друг, — ответил Гриднев. — Совсем другая жизнь, когда знаешь, что у тебя за спиной «коробочки». Ну, сие от нас не зависит. Желаю одного: будь здоров!

Вот так просто, силой приказа и обстоятельств, схватились и расходились на войне люди. Только что вместе, плечом к плечу стояли на одном огневом рубеже, а теперь разлучила судьба фронтовых побратимов, и никто не знал, увидятся ли они когда-нибудь вновь. Не оста-

валось даже времени на то, чтобы посидеть, проститься как следует, сказать друг другу добрые слова.

Едва закрылась дверь за танкистом, вошли трое разведчиков, принесли в вещмешке большую круглую противотанковую мину. Пояснили, что добрались до подбитых на «нейтралке» вражеских танков и там ее обнаружили. Похоже, что гитлеровцы уже успели оборудовать противотанковое минное поле.

Гриднев сразу же оживился:

— А ведь это может означать, что на нашем участке противник переходит к обороне. Нет ли немецкого боевого охранения около танков? Вот бы взять «языка»! (Мы тогда не знали, что 12 сентября враг уже начал наступление на кременчугском плацдарме. Поэтому и ушли от нас танки.)

Ночью поспать почти не удалось: нервы были напряжены, да и расположились мы пока для меня непривычно — прямо на полу, расстелив шинели. А главное, Гриднев и Сироткин разговорились вполголоса, вспомнили минувшие бои, вот я и прислушивался к воспоминаниям боевых командиров. Узнал немало интересного. Например, что под Мироновкой пьяные гитлеровцы устроили психическую атаку. У Гриднева хватило выдержки подпустить их на близкое расстояние и только тогда дать команду открыть огонь. «Похоже на то, что мы видели в кинофильме «Чапаев», — говорили командиры. — Но если по-честному, то психическая атака — не для слабонервных». Многие бойцы потом признавались, что едва выдержали напряжение, с трудом удержались от преждевременного открытия огня. Но уж потом-то, когда увидели, как валились под дружным огнем фашисты, как в панике бежали уцелевшие, поняли, что фашистских фанатиков лучше всего бить в упор, наверняка.

На следующий день Гриднев приказал мне сопровождать его при обходе переднего края обороны полка. С нами пошел также его адъютант лейтенант Токмачев — высокий и поэтому немного сутулившийся молодой человек. Он неотступно следовал за капитаном, не снимая руки с висевшего на груди автомата ППШ — предмета всеобщей зависти, ибо такого надежного и удобного оружия в полку было еще очень мало.

Погода стояла солнечная, немцы прекратили обстрел Пригаровки, и как-то не верилось, что мы идем на передний край обороны. А когда дошли, то он, долгожданный, меня просто разочаровал. Вместо представляемых ходов сообщения, окопов в полный рост, дзотов и прочих фортификационных сооружений, о которых нам говорили на тактических занятиях в университете и в лагерях во время сборов, я увидел наспех отрытые вдоль деревенской околицы, мелкие, по пояс, окопчики. Перед ними проходила проселочная дорога, а за ней стеной стояла высокая перезревшая пшеница. Обзора практически не было. Только поднявшись из окопа на бруствер и став в полный рост, можно было разглядеть метрах в трехстах впереди два подбитых немецких танка, о которых шла речь вчера вечером, а за ними — деревеньку, выходящую в нашу сторону садами.

— Там немцы, — коротко бросил Гриднев.

Поколебавшись, я все же сказал ему, что по пшеничному полю гитлеровцы могут скрытно подползти к нашей передовой и одним коротким броском оказаться в окопах. Внес и предложение: воспользовавшись тем,

что ветер дует в сторону противника, поджечь пшеницу сразу вдоль всего занимаемого полком участка.

— Верно, — согласился капитан. — Только отдать такой приказ смогу, лишь согласовав его со штабом дивизии: там должны знать причину пожара. Свяжусь со штабом дивизии немедленно, после того как осмотрим позицию противотанковой батареи.

Батарея располагалась метрах в двухстах от переднего края. Молоденький лейтенант-артиллерист четко отдал рапорт. Гриднев поздоровался с ним как со старым знакомым. Стоим, разговариваем. Вдруг слышим со стороны противника минометный залп, зловещий свист мин над головой. Я их услышал впервые в жизни.

— Мины! — крикнул лейтенант. — Всем в укрытия!

И опять нас спасли щели, вырытые неподалеку от орудий, такие же узкие и глубокие, какие мы в свое время отрывали под Броварами.

Гитлеровцы точно засекали батарею. Несколько минут подряд вокруг нас рвались мины. Потом враг перенес огонь в глубину села, и тут же послышался треск автоматов. Было 12 часов 13 сентября 1941 года. Фашисты перешли в наступление на широком фронте в общем направлении на Полтаву и далее на Харьков.

Выскочив первым из щели, Гриднев крикнул командиру батареи:

— Отражать вражескую атаку! — и, обращаясь уже ко мне и адъютанту, добавил: — Бегом на КП!

Добежав до своего командного пункта, Гриднев по телефону коротко доложил обстановку, выслушал указания и, положив трубку, объявил:

— Приказано отходить в общем направлении на станцию Кобеяки, сдерживая всеми средствами продвижение врага и нанося ему максимальный урон.

Полк начал отход, когда враг уже вошел в Пригаровку. Я старался держаться рядом с капитаном. Остаток дня и всю ночь шли мы в направлении железнодорожной станции Кобеяки. Временами попадали под огонь немецких минометов. А к утру выяснилось, что части перемешались: в рядах нашего 617-го полка оказалось немало воинов из других частей. И наоборот, «исчезли» некоторые подразделения нашего полка. Только к обеду вышли к станции, но она горела и, как доложили высланные туда разведчики, находилась уже в руках противника.

Гриднев собрал командный состав подразделений, каждому определил маршрут, поставил задачу — собирать встреченных бойцов, командиров, отдельные группы, формировать из них команды и сосредоточивать на сборном пункте в колхозном саду севернее станции, куда подойдут и походные кухни.

Мне удалось собрать около 100 человек. Зрительная память на карту меня была хорошая. Мы точно пришли на место сбора вместе с доброй сотней бойцов и младших командиров, «найденных» по дороге и сведенных в отряд. Здесь нас действительно уже ждали походные кухни, и после сытного горячего обеда настроение у всех несколько поднялось.

В большом колхозном саду, раскинувшимся в низине у сильно заболоченной речушки, под укрытием фруктовых деревьев собралось до шестисот человек. Капитан Гриднев, не мешкая, приступил к формированию подразделений и назначению командиров из числа тех, кого он лично знал и на кого мог положиться. В конце

концов, пять или шесть командиров, в том числе и я, остались без войска.

— Вы — мой резерв, — объявил Гриднев. — Будете постоянно рядом. Из пункта сбора станцию Кобеляки не было видно, ее заслоняла высота, на склоне которой поспешно окапывались немцы. Это было так недалеко от нас, что можно было разглядеть мелькавшие лопаты.

В саду оказалось несколько обложенных дерном погребов, сейчас пустых, предназначенных, вероятно, для хранения яблок. Около одного из них Гриднев приказал построить сформированные подразделения, поднялся на погреб, как на трибуну, и произнес речь, яркость которой поразила меня: «Товарищи! Командование приказало нам занять станцию Кобеляки и оборонять ее от немцев, но враг оказался там раньше нас. Поэтому, чтобы выполнить приказ, необходимо решительной атакой выбить противника с его позиции, захватить станцию и удержать ее. Подумайте, товарищи: за нами — Полтава. Это моя родина. За нами — наша Родина. Мы защищаем ее, защищаем Советскую власть. Я сын рабочего и готов умереть за Советскую власть. Я смерти не боюсь. Я пойду в атаку вместе с вами...»

На этом речь Гриднева прервалась. Откуда-то из гущи деревьев полетела в нашу сторону цветная ракета, указывая, где скопились бойцы. И тут же на них, стоявших в тесном построении, посыпались мины. Один, второй, третий залпы. Произошло непоправимое — командир полка не выставил боевого охранения! На глазах у противника собрал остаток полка, которые попали под точный минометный огонь. Хорошая речь и плохие действия командира.

Когда грянул первый залп, Гриднев мгновенно оценил ситуацию и крикнул во весь голос:

— Строю — рассыпаться! Отходить к поселку!

После этого он соскочил с погребов на землю и оказался рядом со своим резервом. По блеску глаз и ходившим на скулах желвакам я видел, что капитан лихорадочно ищет выход из создавшегося положения. Наконец, приказав нам лежать пока на месте, капитан пружинисто поднялся во весь рост и побежал к поселку, куда отходили люди. За ним, пригнувшись, последовал Токмачев.

Старшим никого из нас Гриднев не назначил, не до этого было. Кто-то проявил инициативу и предложил занять удобную позицию, чтобы можно было стрелять по врагу, который, скорее всего, может появиться со стороны, откуда пустили ракету. Все мы словно вдруг вспомнили, что находимся на фронте, в каких-то сотнях метров от фашистов. Быстро извлекли из кобур пистолеты, наганы — у кого что было. У меня кроме ТТ был еще и «киевский» карабин, еще у одного командира — винтовка со штыком. Вот и все наше оружие.

Мимо погребов, рядом с которыми развернулись события, проходила тропинка, скрывавшаяся метрах в 80–100 от нас за пирамидальными тополями. Из-за них-то и вышла группа фашистских солдат. Восемь или десять гитлеровцев шли без видимой опаски, переговариваясь между собой. У идущего впереди были засучены рукава, на груди болтался автомат. Его-то я и взял на мушку. Прямо в грудь.

— Огонь!

Недружно прогремели выстрелы. Тот, что с автоматом, словно споткнувшись, рухнул на землю. Думаю,

что в него целились если не все, то большинство из нас. Уверен, что достала его и моя пуля. Остальные солдаты залегли и начали наугад строчить из автоматов в нашу сторону. Теперь превосходство врага в вооружении и плотности огня стало подавляющим. Пришлось нам сначала отползти за погреб, а потом перебежками добираться до поселка. В нем, однако, не оказалось ни души.

Покинув поселок, мы уже почти в полной темноте вышли к железной дороге и у переезда заметили большую группу людей. Оказались наши — из 617-го полка. Тут я прямо-таки столкнулся с Токмачевым. Спросил его, где командир полка?

— Убит капитан Гриднев, — с тоской в голосе ответил лейтенант и рассказал такие подробности.

Когда капитан вбежал в деревню, чтобы собрать бойцов, враги дали очередной залп из минометов. Услышав свист мин, Гриднев свернул за угол хаты, а Токмачев, находившийся от него метрах в десяти, упал на землю. Он видел, как одна мина разорвалась перед капитаном, а другая ударила в стену хаты, которая рухнула и накрыла уже распростертого на земле командира полка.

На душе было тяжело. Не успел я как следует познакомиться с первым своим фронтовым командиром, а его уже не стало. Отдавая дань личной храбрости Гриднева и глубоко переживая нелепую в общем-то потерю, я подумал о том, что зря капитан не выставил вокруг сада боевое охранение...

Уже за полночь прискакал на лошади посыльный из штаба дивизии. Не спешиваясь, спросил, какой полк, и, услышав, что 617-й, облегченно вздохнул.

— Вас-то мне и надо. Подскажите, где найти командира полка капитана Гриднева?

— Убит капитан, — ответил Токмачев. — Да и из штаба полка мы сами никого отыскать не можем. Так что, если хотите что-то передать, обращайтесь к командирам, которые здесь находятся.

— Ладно, — согласился конник, довольный, видимо, удачным завершением нелегкого и опасного пути. — Командир дивизии приказал занять окопы на этой высотке, за железной дорогой, — он указал рукой в сторону, где в густом мраке ничего не удалось разглядеть, — и держать здесь оборону до нового распоряжения. Если же натиск врага окажется очень сильным, то организованно, сохраняя людей и оружие, отойти по полю на Новые Санжары.

Посыльный ускакал, а мы отправились искать укрытую темнотой, неведомую пока высотку. Нашли окопы. Заняли.

Не сразу я задремал. Мрачные мысли не выходили из головы. Что же происходит? Где опытные командиры? Неужели все погибли в первые месяцы? Тогда я не мог ответить на мучивший меня вопрос. Прошло много времени, прежде чем была сказана правда народу, что в начале войны лейтенанты командовали ротами, а капитаны — полками не только потому, что были большие потери, а главным образом потому, что накануне войны были уничтожены армейские кадры.

К утру задремал. Как только стало светать, проснулся. Утро 16 сентября выдалось на редкость хорошее. Взшло солнышко. Тишина. Будто и нет войны. Сидим в окопах, отрытых на склоне высоты как надо: полного профиля, связанных между собой ходами сообщения. Кто-то сделал их очень добротнo. После того что при-

шлось видеть раньше, эта позиция выглядела «настоящей уставной». Но многое меня и смущало. Бугор-то мы оседлали, а о том, где находятся соседи слева и справа, да и есть ли они вообще, никто из нас не имел представления. Кроме того, имевшихся у нас сил (на глаз — человек 150–170) явно не хватало для надежной обороны рубежа, строившегося, судя по всему, в расчете на полк полного состава. И наконец, тревожил вопрос: кто же здесь командир, кто возьмет эти функции на себя. Хотя прибывшие из резерва на должность командира полка не годились, младшие лейтенанты все же поглядывали на лейтенантов как на старших по званию, а те либо стеснялись, либо, и это скорее всего, считали, что до начала боя кого-то пришлют постарше.

Все решило появление вражеских колонн, которые двигались с запада по двум параллельным дорогам, обтекавшим занятую нами господствующую над местностью высоту. Колонны солдат в серо-зеленых мундирах, двигавшиеся рядом с ними крытые грузовые автомобили и конные повозки неторопливо приближались к нам. Противник двигался без походного охранения, словно в своей вотчине. Что это: странная беспечность или переходящая всякие границы наглость самодовольных завоевателей?

Левая колонна была еще далеко, но правая приблизилась уже на расстояние верного выстрела, а команду на открытие огня все еще никто не подавал. Молчал и установленный на правом фланге пулемет «максим». Колонны поравнялись с нашим рубежом. А мы сидим и молчим.

Вдруг с левого фланга из окопа выскакивает на бруствер незнакомый мне чернявый скуластый лейтенант, бежит вдоль окопов на правый фланг и при этом высоким голосом виртуозно ругается:

— Это что же за война... Немцы идут... а мы молчим... Слушай мою команду! По правой колонне противника — огонь!

Позже я узнал, что командование остатками 617-го полка принял на себя лейтенант Кочетков. А тогда тишину разорвала длинная пулеметная трель — это заговорил «максим». Тут же нестройно загремели винтовочные выстрелы, застрочил короткими очередями ручной пулемет ДП — «Дегтярев пехотный». Голова вражеской колонны, уже почти поравнявшаяся с занимаемой нами высотой, остановилась, а потом в рядах врага началась паника: застигнутые врасплох солдаты и офицеры бросились врассыпную, падали убитые и раненые. Фашисты несли изрядные потери. Гитлеровцы искали укрытия за любым бугорком, но с нашей высотки простреливалась вся прилегающая местность.

Как ни странно, но левая колонна, не обращая внимания на завязавшуюся перестрелку, продолжала движение по своему маршруту, удаляясь от нас все больше и больше, и в бой не вступила.

Появилось спокойствие. Как на стрельбище, старался брать фигурки на мушку и плавно нажимать на спусковой крючок. Думаю, что старался не зря.

Но вот фашисты перестали метаться: чувствовалось, что их офицеры навели порядок. Автомобили и повозки свернули с дороги и помчались подальше от места боя. Пехота залегла и стала отвечать винтовочным и автоматным огнем. Завязалась перестрелка. Заглянул в подсумок, а там уже не осталось и половины патронов —

быстро же они тают! Похоже, не один я начал экономить боеприпасы: выстрелы из окопов слышались все реже. Умолк и «максим». А вот рассыпавшиеся по полю вражеские солдаты вели сильный огонь.

За нашими спинами, с той стороны, куда нам приказано было отходить, раздались приглушенные расстоянием знакомые уже хлопки минометных выстрелов. Серия мин разорвалась перед самыми брустверами окопов. Значит, враг нас обошел еще раньше, чем мы заняли позицию. То-то так беспечно двигались нарвавшиеся на нас колонны противника, знали, что где-то здесь уже прошли его передовые части.

После третьего залпа, услышав шелест мин, мы попадали на дно окопа. Мины взорвались, несколько попало в окопы. Раздались стоны. Понесли раненых. Остались лежать убитые.

Положение создалось критическое. И тут Кочетков распорядился: выполнять приказ комдива, вдоль телефонных столбов отходить на Новые Санжары. Бойцы стали вылезать из окопов и, пригнувшись, перебежать за восточный скат высоты.

В какой-то мере нам просто повезло: противник, вышедший в тыл 617-го полка, не завершил нашего окружения. Бойцы и командиры поспешно двигались к Новым Санжарам, до которых было километров 20–25. Преодолели мы это расстояние за 3–3,5 часа, не больше.

В Новых Санжарах выяснилось, что здесь расположен штаб 38-й армии. Об этом мы узнали от задержавшего нас и сопроводившего до небольшой площади военного патруля. Штаб был без войск. Где они находятся и что с ними происходит, не было известно. Во всяком случае там с удивлением восприняли, что в Новые Санжары вошли остатки подразделений 584-го стрелкового полка, а вслед за ними появились и остатки 617-го стрелкового полка с известием, что значительные силы немцев преследуют наши подразделения.

Группы бойцов и командиров нашего и 584-го стрелковых полков, а также только что прибывшей маршевой роты выстроились на площади. Появился всадник с орденом Красного Знамени на гимнастерке; запыханный, усталый, рука на перевязи.

— Комиссар нашего полка Бондаренко, — вполголоса сказал кто-то из командиров. — Недавно его после ранения увезли в лазарет, а он уже здесь, не иначе как сбежал.

Говорили о том, что орден комиссар получил за героизм, проявленный в советско-финляндской войне. И в ходе недавних боев он постоянно находился среди бойцов на передовой, вместе с ними отражал атаки фашистов.

Комиссар медленно проехал вдоль строя, внимательно вглядываясь в лица бойцов и командиров, узнавал многих из них, улыбался, приветливо кивал головой. Натянув поводья, остановился около нас и с трудом, держась здоровой рукой за седло, спрыгнул на землю. Подошел к незнакомому мне командиру и начал с ним о чем-то оживленно беседовать.

В это время на площадь вышел политрук с ППШ на груди и передал приказ строиться в две шеренги, а командирам и политработникам — впереди шеренг, отдельной группой. Нас, более или менее знакомых друг с другом лейтенантов и младших лейтенантов, оказалось шесть человек...

Прозвучала команда «Смирно!». К бойцам подошли член Военного совета армии бригадный комиссар Николай Кириллович Попель и начальник особого отдела.

— Кто командир полка? — глуховатым голосом спросил Попель.

— Убит командир, — нестройно откликнулось несколько голосов.

— Кто комиссар полка?

— Я, батальонный комиссар Бондаренко.

— Почему не стоите в строю?

— Я только что вернулся из госпиталя, товарищ бригадный комиссар.

Попель испытывающим взглядом обвел наши три отдельно стоявшие группы и решительно объявил:

— Слушать всем! Те, кто сейчас стоит на этой площади, образуют 617-й стрелковый полк 199-й стрелковой дивизии. Бойцы и командиры 617-го полка — первый батальон, группа 584-го полка — второй батальон, маршевая рота — третий батальон. Командиром полка назначаю... — генерал остановил свой взгляд на стоявшем вне шеренги, несколько в стороне, капитане, — Вас, капитан. Представьтесь.

Пожилый капитан в мешковато сидевшем на нем обмундировании явно растерянно отрапортовал:

— Помощник командира 617-го стрелкового полка по тылу капитан Ештокин. Но... я никогда никем не командовал, только руководил. Как же...

— А теперь будете командовать, — жестко перебил его Попель. — Вас учили в первую очередь воевать. Давно на фронте?

— С первого дня войны.

— Вот то-то. Принимайте командование немедленно. Комиссар есть, штаб будет. Командиром третьего батальона назначаю командира маршевой роты.

Попель вплотную подошел к нам, шестерым. Взгляд генерала остановился на лейтенанте, том самом, который принял на себя командование утром и приказал открыть огонь по вражеской колонне.

— Представьтесь.

— Лейтенант Кочетков.

— Назначаю командиром первого батальона.

Посмотрел на меня:

— Представьтесь.

— Младший лейтенант Сергеев.

— Давно на фронте?

— Два дня.

Генерал оценивающе смерил меня взглядом, секунду-другую помедлил и уверенно резюмировал:

— Назначаю начальником штаба первого батальона.

— И еще раз, посмотрев мне уже прямо в глаза, добавил: — Видите, ваш батальон только недавно был полком. Предупреждаю, если станете терять людей не только в боях, но и где-то по дорогам, спросим не меньше, чем с командира.

Так я по стечению обстоятельств стал тем самым «адъютантом старшим батальона», на которого был аттестован еще под Прилуками.

Двое солдат, которые не могли дать объяснение, где их оружие, были по приказу Попеля расстреляны.

Через несколько минут бригадный комиссар отошел к ставшему 2-м батальоном 584-му полку, еще более сжато, чем нам, дал какие-то указания и вместе с сопровождавшими его проследовал к середине площади.

— Смирно! Слушать всем! — резко и требовательно заявил член Военного совета. — Там, за Ворсклой, справа — опушка рощи, слева — ветряная мельница. Это — рубеж обороны полка. Приказываю немедленно занять на этом рубеже оборону. Врага задержать во что бы то ни стало. Бейте беспощадно фашистскую сволочь! Исполняйте! Бегом марш!

Побежали. На бегу считал людей, на бегу получали боеприпасы. Когда миновали мост, сделали небольшую передышку. На коротком совещании командир полка объявил о том, что будет на командном пункте, расположенном под крутым берегом Ворсклы, примерно за центром обороняемого участка. Как он собирался руководить, не видя поля боя и не имея средств связи, осталось для меня загадкой.

Занимать выделенный участок обороны было приказано немедленно, поэтому комбат Михаил Александрович Кочетков скомандовал подразделению следовать за ним бегом. По дороге мы успели обменяться лишь несколькими фразами. На вопрос, успел ли я пересчитать личный состав, я ответил, что всего в строю 128 человек: 122 бойца, 4 младших лейтенанта — командиры рот с заместителями — и мы с комбатом.

— Не густо, — заметил, досадливо качнув головой, Кочетков. — Передай-ка команду выделить в наше распоряжение от каждой роты по два бойца — понадобятся для связи и других поручений.

До рубежа обороны уже недалеко, но по стерне полусжатого пшеничного поля бежать тяжело, пришлось перейти на быстрый шаг. Убранный пшеница частично заскিরдована, частично сложена в копенки. Впереди, знакомо уже, щетинится полоса перестоявшей пшеницы.

Когда говорят «Жизнь прожить — не поле перейти», имеют в виду, что поле перейти куда как проще. Но то колхозное поле, ставшее вдруг полем боя, нам перейти вообще не удалось.

Из рощи, в которую уходила пересекавшая поле грунтовая дорога, появилась группа немецких солдат, по-видимому, боевое охранение. Загремели автоматные очереди. По команде лейтенанта Кочеткова мы залегли и открыли ответный огонь из винтовок.

Плотность огня с опушки быстро возрастала. К тому же мы лежали на сжатом поле как на ладони, а гитлеровцы маскировались в кустах, между деревьями. Сразу же возникла мысль захватить участок неубранной пшеницы. Но она была ближе к врагу, и немцы тоже стремились забраться туда.

У нас был лишь один ручной пулемет. Кочетков крикнул пулеметчику: «Не пускай фашистов в пшеницу, удержи их!» А сам вскочил во весь рост и отдал команду: «Батальон, за мной!» По тому, как все рванулись вперед, стало ясно, что об этом маневре думал каждый наш боец, каждый командир. Вбежали мы в пшеницу одновременно с противником, захватившим противоположный край несжатого поля.

Нашлось и место для КП батальона. Оно оказалось на редкость удачным. У самой кромки пшеничного поля стояла полуразрушенная мазанка. В какой-то мере она служила укрытием, а если подняться на крышу, то и наблюдательным пунктом: в бинокль хоть и плохо, но было видно, что происходит в пшенице. По тропинке, пролегавшей неподалеку от нашего КП, то и дело проходи-

ли бойцы, выносившие раненых. Их опрос тоже давал возможность следить за ходом боя. Несколько раненых вышли к КП самостоятельно. Вскоре прибежал запыхавшийся красноармеец:

— Товарищ лейтенант, командир роты просит патронов и гранат. Мы заняли удобную позицию, но немцы все ближе и ближе подходят, а боеприпасов почти не осталось.

Лейтенант Кочетков решил:

— Вот что, беги по этой тропинке на КП полка, там должны быть повозки с боеприпасами. Да возьми с собой еще вот этого красноармейца.

Ответив «Есть!», бойцы побежали по тропинке и вскоре исчезли за поворотом.

А в пшенице шел почти неуправляемый ближний бой: стреляли друг в друга чуть ли не в упор, бросали гранаты. Но в конце концов какая-то «линия фронта» все же установилась.

И тут мы услышали далекое «ура» и сами закричали: «Наши! Наши атакуют!» Бойцы поднялись над колосьями и увидели, как с севера мчится конница. В лучах спускавшегося к горизонту солнца сверкали обнаженные клинки. Казалось, еще минута — и враг будет смят, повержен. Но из-за рощи, набирая скорость, выползло несколько немецких танков. Они ударили из пушек и пулеметов по кавалеристам. Словно споткнувшись, падали на землю и бились в предсмертной агонии лошади, вылетали из седел всадники. Атака конницы захлебнулась, кавалеристы повернули назад.

А за первыми немецкими танками, перечеркнувшими наши надежды на благоприятный исход боя, из леса стала выползать целая колонна, направлявшаяся к Новым Санжарам. На нас танкисты и внимания не обратили, хотя бой в пшенице продолжался.

Появился еще один боец:

— Товарищ комбат, патроны и гранаты кончаются. Много раненых лежат в пшенице. Командир роты просит указаний и помощи.

— Передайте: без приказа не отходить. Боеприпасов подбросим. Раненых готовьте к эвакуации, — и, обернувшись ко мне, спросил: — Куда же делись бойцы, которых мы послали на полковой КП? Вот что, отправляйся-ка туда сам, доложи командиру полка обстановку и получи распоряжение о дальнейших действиях. Если надо держаться, то пусть выделит бойцов для доставки боеприпасов. Берите, сколько сможете унести, и, не мешкая, обратно.

Ответив «Есть!», я, пригнувшись, побежал по тропинке. Справа — кукуруза, слева — обрывистый берег Ворсклы. Вдруг я услышал свист пули. Сразу упал на землю. Чуть приподняв голову, заметил, что из посадки кукурузы поднялся голубоватый, быстро таявший клубок дыма. Пополз медленно, по-пластунски, добрался до кукурузы и, осторожно раздвигая жесткие, предательски шуршавшие стебли, начал пробираться в глубь ее массива. Рядовая посадка кукурузы дала возможность в одном из просветов разглядеть затаившегося врага. Он лежал ко мне боком, лицом к тропинке в удачно маскировавшей его мышинового цвета форме. Тщательно прицелившись, я выстрелил из карабина. Гитлеровец ткнулся головой в землю.

Я встал и подошел вплотную к убитому. Передо мной, судя по нашивкам на погонах, был ефрейтор. Из-

под каски на землю обильно вытекала кровь. Внимательно осмотрел фашиста: небольшого роста, коротконогий, нос крючком. Подумалось: «Вот так ариец!» Рядом — автомат «шмайсер» и запасная обойма. Перевернул гитлеровца на спину, достал из его карманов бумаги, документы. Повесив на шею трофейный автомат, с верным карабином в руках снова побежал по тропинке.

Через несколько десятков метров увидел распростершиеся поперек нее тела двух красноармейцев, посланных комбатом на КП командира полка. Понял, что это дело рук фашиста.

Капитан Ештокин встретил меня криком:

— Вы что, с ума там походили? За все время — ни одного донесения! Только раненые приходят в санпункт, но они-то толком ничего не могут сказать.

«Хорошо, — подумал я, — что санпункт расположен в стороне от КП и к нему ведет другая дорожка. А то и раненые стали бы добычей фашиста».

Доложив командиру полка обстановку, спросил, что делать дальше.

— Что делать? Выходить из боя, идти сюда. Патроны и гранаты получите здесь — они понадобятся, если придется прорываться из окружения. А судя по всему, так оно и будет. Идите!

Смеркалось. Фашисты в темное время суток воевать не любили, и бой постепенно затих. Собрав с помощью связных остатки батальона, мы под прикрытием темноты спустились к Ворскле. На командном пункте оказался лишь «маяк» — старшина, передавший приказ командира полка выходить на дорогу Новые Санжары — Полтава и двигаться по ней. Там нас встретят.

Пока я, обжигая пламенем спичек пальцы, подсвечивал карту, Кочетков прикидывал какие-то варианты, потом, присвистнув, сказал:

— Все, гаши освещени! Чтобы попасть на эту дорогу, надо либо через Новые Санжары прорываться, что нереально, либо опять подняться наверх и обходить их, минуя позицию, которую только что оставили. В обоих случаях — фашистам в лапы.

Я вмешался:

— Командир, пойдем через Новые Санжары, но только вдоль реки, а может быть, где и по реке, к ней ведь только огороды выходят, ни одного дома близко нет. Если мост не охраняется, пройдем под ним, а там и дорога на Полтаву недалеко.

— А ты откуда это знаешь, местный, что ли?

— Да нет — отдыхал здесь в двадцать восьмом году. Это родители словно бы угадали, что мне тут воевать придется.

— А! Ну тогда давай, показывай дорогу. Кстати, — уже обращаясь к старшине, — а куда командование полка направилось?

— Да туда же, куда младший лейтенант показывает.

— А остальные батальоны?

— Точно не скажу, но и они, по-моему, туда же.

— Тяжелораненых нести, а остальных поддерживать, — отдавал приказание Кочетков. — Чтобы ни одного бойца здесь не осталось. Идти всем тихо — не разговаривать, не курить, ничем не греметь! Старшина, проверьте и наведите порядок. Младший лейтенант, пересчитайте людей!

— Уже пересчитал: в строю — сорок шесть, раненых — двенадцать. Остальные убиты или пропали без вести.

— Много потеряли, но и фашистов положили немало. Ну, веди, больше нам здесь делать нечего.

Память меня не подвела. Огородами без помех добрались до моста. Чтобы не подниматься на насыпь, тихо прошли под ним по колено в воде. Наконец вышли на полтавскую дорогу, но тут возникло неожиданное препятствие — путь преградил глубокий, с отвесными стенками противотанковый ров. Без каких-нибудь подручных средств его не преодолеть, тем более раненым. Помог случай. Послали красноармейцев вдоль рва. Один из них вернулся и доложил, что рассмотрел в темноте перекинутые через ров широкие доски. По ним и перебрались.

Выдвинув вперед походное охранение, прошли по дороге на Полтаву еще несколько километров. Подумывали уж было о привале, как вдруг услышали родное:

— Стой, кто идет?

Пока бойцы нашего охранения вели переговоры, подошли к ним Кочетков и я. Узнав, что мы — 1-й батальон 617-го полка, нам двоим разрешили пройти вперед, и через несколько минут, конвоируемые группой красноармейцев, мы предстали перед старшим лейтенантом, как выяснилось, командиром боевого охранения кавалерийской части. Он придирчиво изучил наши документы, задал несколько каверзных вопросов и, убедившись наконец, что мы именно те, за кого себя выдаем, сказал:

— Займете наши позиции и будете их оборонять. А наша часть переходит на другой рубеж.

— Так ведь нас, не считая раненых, меньше полсотни человек.

— Ничего, ваши уже частично там, вот их вы и пополните. Таков приказ командира дивизии.

Старший лейтенант отдал распоряжение о выдаче нам сухого пайка, успокоил, что окопы уже отрыты и копать ничего не придется.

Принял он у нас раненых для отправки в тыл, выделил сопровождающего, и мы попрощались.

Сопровождающий — младший лейтенант в длинной кавалерийской шинели — вел в темноте уверенно. Пересекли вброд речушку. Стали подниматься на крутой берег. Скользко. Я приспособился — стал опираться прикладом карабина о землю. И вдруг перед самым лицом — пламя, оглушительный грохот. Выстрелил мой карабин. Там, в кукурузе, я перезарядил его и даже не поставил на предохранитель. И вот сейчас чем-то задел за спусковой крючок.

Выстрел, конечно, всех переполошил. Потом, когда разобрались, в чем дело, одни успокоились, а кое-кто и крепко отругал. Наш провожатый внимательно посмотрел на меня и не то с удивлением, не то с завистью воскликнул:

— Да вы ведь просто оружейный склад! Слушай, друже, — перешел он на «ты», — отдай мне карабин, пока он сам тебя не застрелил. Понимаешь, нам, кавалеристам, выдали обычные «мосинские» винтовки, а у тебя, пехоты, такая роскошь — карабин. Нечестно.

— Не нужна мне твоя винтовка. И вообще, я за карабин расписался.

— Лично мне твой подарок не для фасона нужен. Я винтовку подводчику отдам — ему она дороже золота. Карабин же мне, коннику, позарез нужен. Он ведь для нас специально создан. А у тебя еще и автомат не-

мецкий, и пистолет. Арсенал, да и только. Расписался, говоришь. Но это же война! Может, скажешь, что и за немецкий автомат расписался?

Молчу, думаю. Замолк и провожатый, но, чувствую, огорчился. Пришли к окопам. Разместили людей по ячейкам, установили связь с правым соседом, оказавшимся действительно из нашего полка. Слева никого не было. Пожевали скудный сухой паек. Кавалерист опять попросил:

— Так дашь карабин?

— Бери.

И страшно, что отдал оружие, за которое действительно расписался, и в то же время сознаю — таскать все, чем обвешан, сил не хватит. Влез в свою ячейку, сжался в комок и заснул. Кончился день 16 сентября 1941 года. Думаю, именно в этот день приобщился я к славной семье фронтовиков.

Утром 17 сентября раздались крики: «Танки! Танки!» 18–20 танков развернутым строем не спеша накатывались прямо на наши окопы.

За ними — пехота, пока еще далеко, вне выстрела. А сколько же нас? 617-й стрелковый полк? Да, полк, он имеет номер. Мы помнили об этом. Знали и о том, что в полку-то не больше 150 человек, но и это не главное. Главное в другом — у нас практически не было средств для борьбы с этими ползущими стальными коробками. Все же мы стреляли, в надежде, что пуля залетит в смотровую щель, стреляли и потому, что просто сдавали нервы.

К тому времени я не раз уже слышал слово «танкобоязнь», произносимое порой и с ироническим оттенком. Но ирония уместна лишь в тех случаях, когда у людей есть хоть какие-нибудь средства для борьбы с танками, а они, забыв об этих средствах, не вступают с ними в борьбу. Думаю, если бы у нас тогда были противотанковые ружья, бутылки с горючей смесью «КС» или хотя бы с бензином, противотанковые гранаты или хотя бы связки ручных «РГД», мы бы не оставили рубеж, несмотря на то что оборудован он был слабо — одни лишь неглубокие ячейки. И признаюсь, я вздохнул с облегчением, когда услышал команду: «Прекратить огонь, отходить на полтавскую дорогу. Сбор — у следующего оборонительного рубежа».

Но стоило нам выскочить из окопов, как танки прибавили скорость, а от них по чистому полю не уйдешь. И тут раздались два мощных взрыва, потом еще один. Это сработали противотанковые мины, поставленные здесь нашими саперами. Я увидел, как танки, будто по команде, остановились перед рубежом, который только что мы занимали. Некоторые даже попятнулись назад. Это и дало нам возможность оторваться от них. Но, увы, ненадолго. Опять взревели моторы, несколько танков двинулось в сторону, обходя минное поле. Пришлось нам снова ускорить шаг.

Рядом со мной отходили три красноармейца. Они — гуськом, друг за другом, я — правее, около среднего. И тут произошло то, о чем никогда не смогу забыть. Мимо меня пронеслось что-то похожее на огненную струю и пронзило насквозь бежавшего рядом бойца. От прямого попадания снаряда он мгновенно превратился в бесформенный комок.

Но вот наконец и свежестрытые окопы. Почти совсем обессилевший, с трудом перевалил через бруствер

и свалился на дно одного из них. Еле переведя дыхание, спросил подошедших бойцов, из какой они части. Несколько человек назвали номер нашего полка, остальные — каких-то незнакомых частей. Тут же выяснилось, что среди них нет ни одного командира. Пришлось брать руководство на себя.

— Внимание! Слушать мою команду. Вы все — бойцы 617-го стрелкового полка. Я — ваш командир.

Подошел младший политрук, доложил, что он пропагандист из нашей части.

— Слушай, — говорю ему, — поскольку я принял командование, оставайся со мной, будем вместе воевать.

— Чем же мы будем командовать — ведь не полк же здесь на самом деле. Хорошо, если взвод наберется.

— Ну, назовем пока отрядом, а там видно будет.

Прикинул на глаз — что-то около сорока человек. А перед нами уже три вражеских танка, за ними до роты пехоты.

— Не стрелять, подпустим ближе! — крикнул я, рассчитывая, что враг нас не заметил, но было уже поздно — один боец застрочил из ручного пулемета.

Не знаю, возможно, это было и к лучшему. Во всяком случае, танки остановились и, не приближаясь, открыли огонь из пушек и пулеметов. Пехота же сразу залегла, вступила с нами в перестрелку. Я подал команду беречь патроны, стрелять по пехоте только наверняка. Немного удивило, что ружейный и автоматный огонь со стороны противника был довольно вялым: похоже, что он чего-то выжидал.

Так продолжалось 2–3 часа. А сколько времени нам вообще следовало здесь держаться, что делать дальше? Никто никакой задачи перед нашим отрядом не ставил. Просто мы знали, что за нами — Полтава и что врага по возможности надо задержать, не пускать вперед. Фашисты, видимо, решили, что перед ними новый оборонительный рубеж, перекрывающий путь на Полтаву, и ждали подхода подкрепления, чтобы действовать наверняка. Так я оценивал обстановку, изредка стреляя из автомата одиночными выстрелами.

У меня, как и у других бойцов, уже оставались считанные патроны, когда кто-то крикнул, что за спиной у нас немцы. Обернулись и увидели метрах в трехстах два вражеских танка, а за ними густую цепь пехотинцев. Обошли! Прием стандартный, но пока безотказный.

Для нас осталась открытой только дорога на восток. На этот раз я заранее наметил путь отхода и повел бойцов по ходам сообщения к недалекому зарослям кустарника. Пройдя через них километра полтора-два, мы выбрались на открытую местность и попали в расположение наших войск, выдвигавшихся к рубежу обороны в район населенного пункта Великий Тростянец.

Здесь оборонительный рубеж выглядел уже более солидно, да и занимал его хорошо укомплектованный бойцами полк. Можно было рассчитывать, что нас примут в него как пополнение. Да и командир части — капитан в лихо заломленной набок кубанке, выслушав меня, сказал вначале, что готов включить отряд в полк и даже назначить участок обороны. Потом, однако, добавил, что нас не сможет кормить, так как дополнительными фондами не располагает.

Это резко меняло положение. Посмотрев на изможденные лица бойцов отряда, давно не получавших горячей пищи, я сказал капитану, что оставляю с подчи-

ненными младшего политрука, а сам пойду искать свой полк: надо ставить на довольствие людей.

— Смотри, — напутствовал он меня, — как бы не приняли тебя за дезертира.

Я и сам это понимал, но другого выхода не видел. Взял с собой двоих красноармейцев и отправился на поиски. Южнее Полтавы переправились по пешеходному мостику через Ворсклу. Предъявляли документы, расспрашивали, не знают ли, где находится штаб 199-й стрелковой дивизии. И нашли-таки! Трудно передать, какую радость я испытывал, направляясь по указанию одного из командиров к начальнику штаба дивизии.

В небольшой комнатке меня встретил коренастый, плотный полковник. Представился ему, доложил о том, чему был свидетелем в последние дни. И в ответ — совершенно неожиданное:

— Значит, вы были в окружении? Вот в особом отделе и дадите объяснения.

— Товарищ полковник, не были мы в окружении. В последнем бою враг обошел нас с тыла, вот и пришлось оставить рубеж. Все бойцы выведены из боя без потерь, находятся сейчас на переднем крае с другим полком, но их не ставят на довольствие. Что-то надо делать. Для этого я к вам и пришел.

— В этом и разберется особый отдел.

— В чем должен разбираться особый отдел? — раздался голос, и в комнату вошел худощавый комбриг. Я знал, что дивизией командует комбриг Аверин. Никогда его раньше не видел, но сразу же подумал, что это он и есть.

— Да вот младший лейтенант что-то плетет.

— В чем дело?

Стараясь не волноваться, я кратко доложил обо всех событиях, начиная с боя у станции Кобеляки. Комбриг слушал меня внимательно, пристально смотрел в глаза. Когда я закончил рассказ, он обратился к полковнику:

— Ты что же думаешь, ему немцы и свой автомат вручили, чтобы выделялся среди наших? Что-то я такого не припомню. Словом, отставить особый отдел! А вы, товарищ младший лейтенант, покажите на карте, где сейчас ваша группа. Так, понятно. А вот здесь, — отчеркнул он ногтем село Никольское, — штаб вашего полка. Теперь в нем новый командир — майор Карапетян. Явитесь к нему и доложите, что к вечеру прибудет группа бойцов во главе с младшим политруком. Начальник штаба, пошлите две автомашины для доставки этих людей в 617-й полк.

Как я был благодарен комбригу Аверину! Какой груз он снял с моих плеч! На его доброжелательное «Можете идти!» ответил: «Есть!» — козырнул, вышел из дома и зашагал с легким сердцем в Никольское.

Первым в штабе полка мне встретился Сироткин. Шутливо приветствовал:

— А, москвитянин! Жив? Обстрелялся? Ну, пойдем к командиру полка.

Майор Карапетян Асканаз Георгиевич оказался человеком среднего возраста, очень спокойным и сдержанным. Кадровый командир, он после окончания учебы на курсах «Выстрел» направлялся в штаб 38-й армии в Новые Санжары за назначением, но опоздал: там уже был противник. Отходил вместе с нашей дивизией. Комдив поручил ему командовать 617-м стрелковым полком.

После короткого знакомства майор, немного подумав, принял почти такое же решение, что в свое время и капитан Гриднев:

— До прибытия пополнения будете при штабе полка для отдельных поручений.

Подходящее дело нашлось довольно скоро. К северу от нас проходила железная дорога. Можно было разглядеть и постройки небольшой станции. Поскольку с правым соседом связь отсутствовала, важно было узнать, в чьих руках эта станция. Это и поручили мне установить. Задание в общем несложное. С красноармейцем из комендантского взвода я и отправился в разведку.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что у станции занимало оборону подразделение неизвестного мне полка. Связи у него ни с кем не было, а обстановка здесь складывалась крайне неблагоприятно: перед станцией сосредоточивались крупные силы врага.

С командиром подразделения, старшим лейтенантом, мы поднялись на чердак вокзального здания, и в бинокль через слуховое окно я отчетливо разглядел... обедавших гитлеровцев. На противоположном краю разделявшего нас, очень похожего на то, новосанжарское, поля в тени копенек сжатой пшеницы сидели немецкие солдаты и офицеры с котелками на коленях и усиленно работали ложками. «Эх, — с горечью подумал я, — подкормить бы их сейчас минами».

Гитлеровских солдат было много. Но еще хуже было то, что вдали за ними я разглядел угловатые силуэты замаскированных снопами танков. Их, увы, тоже оказалось немало. Поскольку ничего больше выяснить не удалось, я попрощался с заметно взволнованным старшим лейтенантом, пообещав ему немедленно доложить своему командиру полка обо всем, что увидел.

Быстро, теперь уже зная, что здесь наши, в полный рост пошли в Никольское. Хлопок... шелест мины... Успел крикнуть: «Ложись!» — и мы оба бросились в придорожный кювет. Мина разорвалась почти рядом. Я почувствовал, что меня приподняли и ударили о землю. Ощутил сильную боль в голове. Подполз красноармеец, что-то говорил, но я не слышал. Попробовал подняться — голова пошла кругом, перед глазами все замельтешило.

Некоторое время лежал не шевелясь. Потом немного отдышался и с помощью красноармейца пополз к деревне. Ноги не слушались, слабость, как после тяжелой болезни. Путь показался бесконечно долгим. Наконец добрались до штаба. В комнате — Карапетян, Бондаренко, Сироткин. Спрашивают о чем-то, а я все еще пребываю в мире безмолвия. Тогда взял лист бумаги и написал: «Не слышу ничего. Дайте карту». Писал, показывал на карте, говорил (позже уточнят: кричал). Не успокоился до тех пор, пока по выражению лиц не увидел, что поняли.

Положили меня на повозку и доставили в соседний поселок. Старший врач полка, военврач 2-го ранга Шурляков, определил: «Легкая контузия. Несколько дней полежишь, и все будет в порядке». Это он мне написал на клочке бумаги.

Всю ночь кружилась голова, почти не спал, зато к утру словно провалился, да на целые сутки. Проснувшись, обрадовался тому, что вновь услышал голоса, — значит, не оглох окончательно! Однако первые же два уловленных слова заставили вздрогнуть: «Мы окружены!»

Молча встал, оделся, забрал пистолет, автомат, плащпалатку и, не сказав никому ни слова, выскользнул за дверь — отправился к себе в полк.

Первым делом зашел, конечно, к Сироткину.

— Ты что, удрал из санчасти? — удивился он. — Не поторопился?

— А что же ты мне прикажешь в постельке лежать, когда мы в окружении?

— Кто тебе об этом сказал? Похоже, что в медсанчасти у кого-то глаза квадратные с перепугу. Но в общем-то дело действительно дрянь. До окружения еще не дошло, однако попали мы как бы в мешок, из которого пока есть узенький выход. Через него и попробуем проскочить. А сейчас иди перекуси да отдохай где-нибудь поблизости. Надо будет — позову.

В ночь на 26 сентября полк получил приказ скрытно выходить из мешка. Но по некоторым признакам можно было предполагать, что коридор врагом уже перекрыт. Если так, то следовало готовиться к прорыву из окружения.

Первой ушла разведка. За ней — головная походная застава. А дивизионную колонну возглавил 617-й стрелковый полк. Стало как-то поспокойнее, когда я увидел, что комбриг Аверин и командиры штадива шли впереди нашей части рядом с Карапетяном, Бондаренко, Сироткиным. За ними, приотстав на десяток шагов, двигалась группа командиров из нашего полка, не имевших своих подразделений. В их числе и я. А уже за нами вытянулась реденькая, малочисленная колонна полка, за ней и остальные части дивизии. Рядом с пешей колонной на малом ходу двигались автомашины, повозки. Полторка, на которой везли канцелярию штаба полка и на которой сидели писари во главе с одним из помощников начальника штаба, держалась рядом с командиром полка.

Пройдя несколько километров, мы вошли в какое-то село. В чистом небе висела полная луна, и в ее свете можно было разглядеть по сторонам от дороги украинские мазанки. Некоторые из них оказались повреждены, а иные и разрушены. На покрытых побелкой стенах тех, что располагались вблизи от дороги, отчетливо виднелись намалеванные красной и черной красками стрелы, номера, знаки, надписи на немецком языке. Оказалось, что тут уже хозяйничали оккупанты, а значит, находились мы в их тылу. Странное это было чувство — идти по своей земле, на которой уже хозяйничают немецкие фашисты.

Настроение, что и говорить, неважное. К тому же я еще не оправился после контузии, передвигался с трудом. Время от времени просто засыпал и просыпался оттого, что сталкивался с идущими рядом или спотыкался о неровности дороги. Оказывается, понятие «спать на ходу» может иметь не только переносный, но и прямой смысл.

Товарищи, видя мое состояние, стали уговаривать сесть в штабную машину, а потом уловили момент и, подхватив под руки, буквально забросили меня в ее кузов, несмотря на протесты сидевших там писарей. Среди пассажиров оказался младший лейтенант Харченко с серьезно поврежденной ногой, который, как и я, самовольно покинул медсанчасть.

Мимо нас в голову колонны, к командиру дивизии провели пленного немца. Взяли его где-то спящего в пустой будке.

С полуторки обзор стал гораздо лучше, я смог разглядеть бойцов походной заставы, несколько опережавшей голову колонны. А вот разведчиков не видно — они где-то далеко впереди... Позднее узнали, что разведка сбилась с пути и свернула на другую дорогу. Это и привело к тому, что мы колонной вошли прямо в расположение гитлеровцев.

Их часовой расположился на скирде соломы и, по всей вероятности, спал. Когда же проснулся, то мы были от него так близко, что хорошо видели, как он ползет без оружия по скирде на четвереньках, и слышали его истошные вопли.

Чуть ли не в упор ударил по нам крупнокалиберный пулемет, но цветастые трассирующие пули от первой очереди пролетели над головой. Похоже, что фашистов мы застали врасплох. Но вот уже застучали автоматы, раздались винтовочные выстрелы. Некоторые из шедших впереди попадали, кое-кто бросился назад. И тут прозвучал уверенный голос комбрига Аверина:

— Стойте! Позади — смерть! Товарищи, только вперед! Бейте фашистов! За мной!..

Бойцы бросились вперед, стреляя на ходу. Прокатилось дружное «ура».

И тут наша автомашина вдруг резко свернула влево и, набирая скорость, помчалась, не разбирая дороги, назад. Впереди и следом за ней прыгали на кочковатом поле еще несколько автомашин. Эта гонка продолжалась минут десять — пятнадцать, пока не утих за спиной шум боя, исход которого остался мне неизвестным.

Остановились в поле. Кругом — тишина. С трудом спустился на землю, подошел к раскрытой правой двери кабины и увидел сидевшего рядом с шофером совершенно измочаленного тряской старшего лейтенанта, которого раньше я встречал в штабе полка.

— Почему развернулись и покинули колонну?

— Имею приказ: ни в коем случае не рисковать перевозимой секретной документацией. За нее отвечаю головой.

Больше ничего выяснить не удалось. Оставалось только дожидаться рассвета, чтобы сориентироваться и решить, как действовать дальше. Наконец небо на востоке посветлело. Наступило утро 26 сентября.

Кроме нашей полуторки на поле оказалось еще несколько автомашин. Вскоре они одна за другой тронулись с места и направились к оказавшемуся неподалеку селу. Поехали вслед за ними и мы. Миновали окраину поселка, поднялись на бугор и остановились около большого дома, видимо, бывшего правления колхоза или совхоза. Из кабины вышел старший лейтенант:

— Хочу посоветоваться, что будем делать дальше?

— Надо здесь постоять и сориентироваться, — предложил я. — Подождать, не лезть никуда с закрытыми глазами.

Он согласился со мной. Между тем к нам подходили бойцы, командиры, спрашивали, из какой мы части. Трое оказались из нашей дивизии. Младший политрук Федоров из подразделения конных разведчиков, боец Иванов отсюда же и повар столовой штаба в один голос заявили, что дивизия прорвалась через вражеский заслон. Им же просто не повезло: под Федоровым в бою пала лошадь, и он отстал от ушедшего в прорыв взвода. Лишился лошади и Иванов, когда был в разведке. Повар же ехал на повозке далеко от головной колонны. Когда

началась стрельба, он остановил повозку и пошел вперед выяснить обстановку, а вернувшись обратно, повозки не обнаружил.

Пока мы беседовали, подошел лейтенант с двумя красноармейцами, спросил, из какой мы части, и, услышав ответ, огорченно вздохнул: «Нет, не наши». И вдруг предложил:

— Послушай, младший лейтенант, давай поменяемся автоматами.

Я посмотрел на висевший за его спиной автомат ППШ и ушам своим не поверил:

— Да зачем тебе это надо?

— Понимаешь, тяжело таскать ППШ после ранения, а немецкий — полегче. Поэтому и предлагаю.

Я с радостью согласился на обмен.

Неудержимо потянуло ко сну. Расположился было в тени около машины, хотел хоть полчаса подремать. Но тут подошла девушка в темном, ладно сидящем костюме и в берете.

— Здравствуйте, товарищи! Я местная учительница, — представилась она. — Вчера здесь проходили немцы, говорили: «Рус кольцо». И не пойму наших: стараются идти только ночью, когда ничего не видно и легко на немцев напороться. А вот через то поле идет дорожка. Немцы ее, точно знаю, не перекрыли. Я уже подсказала пулеметчикам, они сейчас поедут. Присоединяйтесь к ним, потом не раз меня вспомните.

Учительница ушла, а мы заволновались: «Ведь правду дивчина говорит — ЗИСы-то уже тронулись. А на каждом — по счетверенной зенитной установке, из такой, если полоснуть, сколько гадов уложить можно».

Словом, поехали и мы. Без труда догнали две перегруженные, до отказа набитые бойцами трехтонки. Дорожка плохая, труднопроходимая, влажный чернозем налипал на колеса, машины то и дело буксовали.

Но что это? Дорожка все ближе и ближе подходила к грейдерной дороге. Вот до нее осталась лишь пара сотен метров, и по ней на сближение с нами быстро ехал немецкий грузовик с пушкой на прицепе. ЗИСы спустились в балку, и с них эта машина не видна.

А она уже остановилась. Высыпавший из крытого брезентом кузова расчет сноровисто отцепил пушку, развернул ее на прямую наводку. Я прикинул расстояние: метров триста пятьдесят — четыреста. Не смог вспомнить, эффективен ли огонь из ППШ на такой дистанции, но решил стрелять. Опираясь локтями на крышу кабины, дал несколько коротких очередей. Немцы забегали, двое легли, стали отвечать. Вдруг сзади раздались два выстрела, рядом со мной просвистели пули. Обернулся и увидел у стога метрах в семидесяти двух целившихся в меня из винтовок людей в красноармейском обмундировании. «С ума сошли, — подумал я. — А может быть, переодетые фашисты?» Перевалился через борт кузова на другую сторону, пристроился на подножке кабины и, сунув левую руку в проем окна, дал очередь правой. Ствол автомата увел вверх. Нет, с машины такая стрельба — пустая трата драгоценных патронов! Стрельбу прекратил, тем более что мы уже спускались в балку, из которой только что выбрались наверх ЗИСы. Слышно, что пушка бьет, а ответных пулеметных очередей нет, скорее всего, пулеметы без патронов.

Наша полуторка остановилась в балке. Из кабины выскочили старший лейтенант и шофер с лопатой в руках. Боец быстро выкопал около стоявшего отдельно куста неглубокую ямку, в нее опустили небольшой сверток, засыпали землей и прикрыли аккуратно вырезанным куском дерна.

— Что там? — спросил я у командира.

— Списки личного состава полка, другие документы. Запомни это место. А теперь быстро поехали догонять зенитчиков.

Я снова встал на подножку. Выехали из балки. Увидели замершие, разбитые снарядами ЗИСы, рядом несколько убитых красноармейцев. Тут же грохнул близкий взрыв снаряда, капот нашей машины окутался паром. Надо уходить, и как можно быстрее. Направо — глубокий овраг. От него начиналась лесозащитная полоса, которая тянулась к грейдеру.

Спросил старшего лейтенанта как старшего по званию, что делать, куда идти? Он молчал — не то растерялся, не то просто не видел выхода. А время-то не ждало, каждая секунда была дорога. Поэтому сам дал команду:

— Взять оружие, бегом за мной!

Побежали к тому месту, где посадка подходила к оврагу. В овраг забираться нельзя — фашисты наверняка будут искать нас в нем и перестреляют сверху. Поэтому веди всех в посадку.

Тихо уходим подалее от оврага в сторону грейдера. Через просвет в кустарнике увидел, что враг получил солидное подкрепление — подъехали еще несколько крытых машин, из которых выпрыгивали солдаты и, растянувшись в цепь, бежали к оврагу. Судя по тому, что, добежав до его края, фашисты залегли и открыли огонь из автоматов, а в ответ слышались редкие винтовочные выстрелы, в овраге действительно пытались укрыться воины с ЗИСов.

Нас оказалось одиннадцать человек. На всех — один автомат, три винтовки, два нагана, пистолет, две гранаты «Ф-1». Реденькой цепью расположил своих товарищей вдоль лесопосадки. Через просвет в кустарнике наблюдал за тем, как немецкие солдаты во главе с офицером неторопливо шагали по полю в нашу сторону. Рядом со мной лежал младший политрук Федоров в своей длиннополой кавалерийской шинели.

И вдруг... Как часто на войне случалось это «вдруг»... Слышались голоса, потрескивание ломавшихся под ногами сухих веток. Кто-то шел по лесопосадке в открытую, не таясь. Я отдал Федорову гранату, а сам потихоньку продвинулся навстречу неизвестным. И что же увидел: в полусотне шагов от нас из посадки вышли на поле и направились навстречу немцам четыре человека: впереди — «учительница», за ней — «лейтенант» с бывшим моим «шмайсером» и два «красноармейца». Фашистские лазутчики?! Таких в нашем тылу тогда хватало. Федоров поднял наган:

— Я ее, сволочь, сейчас положу.

— Не смей! Если нас обнаружат, то ей — первая пуля. А пока подождем, что будет дальше.

«Учительница» подошла к офицеру, выкинула вперед руку в фашистском приветствии и начала ему о чем-то говорить, оглядываясь на «лейтенанта», будто призывая его в свидетели. Потом и тот вступил в разговор. Несколько раз он, явно встревоженно, указывал

рукой куда-то в сторону от нас. Видимо, что-то там произошло серьезное, ибо офицер прервал «лейтенанта», бросил короткую команду и вместе с солдатами побежал обратно к машине, сделав знак всем остальным следовать за ним...

До вечера мы оставались на месте. Положение безрадостное: не было ни карты, ни хлеба, ни курева, ни воды.

Терпели. Больше всего мучило главное — где наши, куда идти?

Когда стемнело, поля вокруг осветило зарево костров — немцы жгли копны, скирды, не скупясь, пускали осветительные ракеты. Они, безусловно, знали, что в тылу у них еще немало командиров и бойцов Красной Армии, которые пойдут на все, чтобы вырваться из окружения.

Пока оставлять наше укрытие было очень рискованно. К сожалению, этого не хотел понять старший лейтенант, как я теперь знал — помощник начальника штаба полка.

— Надо идти сейчас, — твердил он, — а то ночи не хватит. Риск есть, но надо идти.

— Это не риск, а самоубийство, — возражал я. — Солома не может долго гореть, да и немцы не будут всю ночь ракеты жечь. Надо подождать.

Не удалось мне его переубедить. Он заявил, что подчиненные ему люди пойдут с ним, и увел шесть человек. Остались мы впятером.

— Знаешь, младший лейтенант, — сказал мне Федоров. — Будь у нас командиром. Должен один кто-то руководить: видишь, к чему ведет двоевластие.

— Ну если будешь комиссаром, то согласен, — ответил я.

К полуночи, когда костры все же угасли, я решил, что можно трогаться в путь. Повел группу на северо-восток, ориентируясь по звездам. Вот когда вновь пригодилось умение читать звездное небо, приобретенное в геодезических и геологических экспедициях. На душе тревожно: принял командирские обязанности, ответственность за людей, а тут лунища чуть ли не в полнеба, заливаает всю округу мертвенным светом. Уж не прав ли был старший лейтенант? Нет, теперь все-таки больше шансов миновать вражеские заслоны.

Пока кругом — никого. Но вдруг издалека уловили какой-то неясный шум. Метрах в двухстах от нас оказался большак. Подошли к нему поближе и залегли. Вскоре слышали немецкий говор, топот ног. Мимо прошла колонна гитлеровцев (на глаз — до батальона). Выждав немного, наша группа пересекла большак и двинулась дальше. Шли через поля, кустарник, наконец поднялись на высоту и увидели озеро. Со стороны, откуда мы к нему вышли, вдоль берега рассыпалась цепочка мазанок, а за озером виднелось большое село. Осторожно, ежеминутно прислушиваясь, мы подошли к одному из амбаров. Харченко, Иванова и повара я оставил за углом, а сам с Федоровым направился к ближайшему домику.

За палисадником залилась лаем, загремела цепью собака. Лай подхватили собаки у соседних домов. Постучал в прикрытое занавеской окно.

— Кто? — чуть раздвинув занавеску, спросила женщина.

— Командиры, пустите, пожалуйста.

— Ой, боюсь! Нет, не пушу, я одна. Вон в соседней хате мужик живет, идите к нему.

— Вы хоть скажите — немцы-то здесь есть?

— В селе полно, а по нашему порядку не было.

Перешли к соседней хате, опять постучали в окно, слышим: «Жинка, отщепи». Подзываем жестом оставленную у амбара тройцу. Ребята подбегают к нам. Вместе входим в хату.

При тусклом свете зажженного хозяином фонаря увидели, что пол маленькой комнатки засыпан толстым слоем зерна. Окна плотно завешены. Хозяин, окинув нас оценивающим взглядом и, видно, убедившись, что мы те, за кого себя выдаем, спросил, хотим ли мы есть. И, услышав честное признание, что голодны как волки, коротко бросил:

— Жинка, покорми.

Хозяйка подала молоко, хлеб. Пока, сидя на полу, закусывали, хозяин рассказывал:

— Это село называется Кошмановкой. Наши вчера здесь здорово германцев побиили, но потом фашисты опять село захватили, а наши ушли, как я слышал, к районному центру — Максимовке. Это надо от нас по балке идти верст восемнадцать. По пути сельцо небольшое — Пятихатки. Через него к утру дойти и до Максимовки можно.

Попрощались мы и ушли. Теперь, когда определили свое местонахождение, подзаправились и знали, куда идти, стало легче на душе. А вот физически уже так устали, что к рассвету дошли только до Пятихаток. Но заходить в село нельзя — в нем слышалось гулкое в предутренней тишине урчание танковых двигателей. Углубились в бескрайний массив высокой кукурузы, где почувствовали себя в сравнительной безопасности.

Мы понимали, что время работало против нас. Поэтому после короткого отдыха, преодолевая накапливавшуюся усталость, пошли дальше, к Максимовке. Как раз в этом направлении по полю шла дорога. Двигались вдоль нее, не выходя из кукурузы. Прошли несколько километров, не встретив ни души, и вот увидели всадника. На нем наша форма, но мы уже не верили внешним атрибутам. Подпустили почти вплотную, выскочили из укрытия:

— Стой!

Всадник левой рукой натянул поводья, правой — схватился за кобуру. А Федоров вдруг крикнул:

— Ребята, да это же командир батареи из нашего 617-го! Опускайте оружие.

Я тоже узнал командира батареи 45-миллиметровых противотанковых пушек.

— Ты куда?

Всадник осмотрел стоявших перед ним далеко не щеголеватых воинов, снял руку с уже расстегнутой кобуры:

— На рекогносцировку местности.

— Ну ты, друг, даешь! — изумился Федоров. — Один — на рекогносцировку. А если бы встретился не с нами, а с немцами — мы ведь из окружения выходим.

Командир батареи засмеялся:

— Не выходим, а вышли. Тут уже наши войска закрепляются, а Максимовка в трех километрах, до нее рукой подать. На окраине моя батарея, так что попадете как раз к обеду. Буду ждать.

Потребовалось больше часа, чтобы преодолеть три километра до окраины Максимовки, на которой действительно располагалась противотанковая батарея. Подкрепились здесь настоящим горячим обедом, я даже немного вздремнул, а потом отправился в штаб полка. Это было вечером 27 сентября. Сколько же пережито за неполные двое суток!

В штабе узнал, что, после того как комбриг Аверин поднял колонну в атаку, оборудованная на скорую руку вражеская оборона была быстро прорвана. Часть гитлеровцев перебили, другие разбежались. После прорыва колонна форсированным маршем дошла до Кошмановки — того самого села, куда минувшей ночью заходили и мы. В селе тогда размещался какой-то немецкий штаб. Дивизия с ходу вступила в бой. Заспанные, ничего не понимавшие фашисты выскакивали из домов в одном белье, отстреливались, но наступательный порыв наших бойцов оказался таким высоким, что вскоре село было очищено от врага. Фашисты в панике бежали, оставив на улицах много автомашин, мотоциклов, велосипедов. Были брошены оружие и боеприпасы. В одном из домов обнаружили важные документы.

Утомленные до предела воины нуждались в передышке. Расположились отдыхать. А тем временем противник подтянул к селу танки, пехоту. Вновь завязался бой. И опять пришлось вырываться из кольца, да к тому же в дневное время.

Силы были неравны. Снова пробить брешь в боевых порядках противника не удалось. Бой сложился так, что подразделения распались на отдельные группы. Многим из них удалось прорваться, но потери оказались серьезными. В частности, пропал без вести первый помощник начальника штаба 617-го стрелкового полка. Вот теперь на эту должность командир полка и назначил меня.

Узнав, что майор Карапетын сделал это по предложению Сироткина, я обратился к последнему за разъяснением: чем же мне следует заниматься? Из его очень краткого инструктажа понял, что кроме текущей работы по всестороннему обеспечению жизнедеятельности и боеспособности подразделений, организации управления и взаимодействия в бою предстоит вести ежедневную отчетность и составлять описание боевого пути полка. Эту последнюю, не предусмотренную должностной инструкцией задачу начальник штаба назвал важной и ответственной. Тем более, сказал он, что за три месяца войны штаб сделал для этого очень мало. К тому же при выходе из окружения часть штабных документов, в том числе копии боевых донесений, оказалась утраченной. Так что восстанавливать события предстояло путем опроса бойцов и командиров, естественно, лишь в периодах затишья между боями.

— Всему остальному научит жизнь, практика, — заключил Сироткин. — А первоочередное, неотложное для тебя — учесть всех людей до единого, получить боеприпасы, принять и обеспечить всем необходимым пополнение. Нам выделено пятнадцать автомашин. Имей в виду, что полк будет действовать отдельно от дивизии, в стыке двух армий. Сегодня в ночь выступаем из Максимовки.

Так начался новый этап в моей военной биографии — служба в должности Пе Эн Ша-один (в документах — ПНШ-1). 🌀